

ИМПЕРИЯ

"Бог России"

Конец XVII – первая четверть XVIII века – особо важное время в истории российских государственных символов. Параллельно шли два процесса – внедрение государственной символики в повседневную жизнь общества и ускоренная трансформация эмблем и символов и их приспособление к нуждам императорской власти. Начнем с первого. Процесс утилизации государственных эмблем не нов. Кафтаны сокольников XVII века имели на спине изображение двуглавого орла, такие же эмблемы из красного сукна были нашиты на белые сермяжные кафтаны почтарей, а при Алексее Михайловиче изготавливались стремена, на рабочей поверхности которых, там, куда ставили ногу, были вычеканены орлы. Однако попираание государственной эмблемы ногами охранявших царя лиц допускалось только в дворцовом обиходе (Козловский. Ч. 1. С. 11 – 12, 154; ДРГ. Кн. IV. С. 59. Табл. 20; Левинсон-Нечаева. С. 314, 318). Иное положение сложилось при Петре Великом. Самодержавная власть этого царя, решительно ломавшего перегородки между русским обществом и европейским, пытавшегося в отпущенные ему для правления лета нагнать ушедшую далеко по пути экономического прогресса Европу, катастрофически нуждалась в деньгах и новых источниках их поступления. Налогами облагалось все и вся. Дело дошло до эксплуатации государственной символики как доходной статьи. С начала XVIII века по предложению талантливого "прибыльщика" А.А. Курбатова, дьяка Оружейной палаты, все документы в официальные, казенные учреждения должны были подаваться на фирменной, снабженной двуглавым орлом бумаге, которая получила название "орленая". Эта идея – естественное развитие дипломатической практики Посольского приказа на протяжении всего XVII века. Уже в орнаменте грамот Бориса Годунова, направляемых в иностранные государства, появляется начиная с июля 1603 года мотив короны, сначала не очень отчетливый, но при Михаиле Федоровиче получивший законченные формы (например, в Данию в грамотах 1613, 1615 годов и, наконец, 16 сентября 1622 г.). В 1622 году это трехзубцовый головной убор с круглым верхом и трехчастным навершием, ук-

рашенный на нижнем поясе и между зубцами круглыми вставками. Подобная корона возвышалась над орнаментом в самом его центре. Оставалось сменить корону на орла и распространить этот обычай на все бумаги, предназначенные для официального употребления, что и сделал А.А. Курбатов по примеру соседних европейских стран. Теперь каждый жалобщик или челобитчик только за подачу своего заявления должен был выложить определенную сумму денег. Орел как "добытчик денег" сыграл для казны определенную роль не только в царствование Петра I, но и на протяжении двух последовавших за тем столетий. Конечно, орление казенной бумаги не могло сравниться с такими источниками доходов, как царская монополия на водку или монетная регалия. Последняя, как никогда прежде, служила и целям прославления личной власти царя. На некоторых монетах Петровского времени, равно как и на ряде монет преемников Петра на русском троне, на одной стороне помещался портрет царя. Конечно, и это новшество было подготовлено временем: еще в XVI – XVII веках всадника отождествляли с "государем на коне", однако только Петр решился поместить на монетах собственный профиль (Узденников. 1985. С. 116 – 124), и на этот раз использовав восходящий к античности европейский опыт. "Сынишка твой в работе пребывающий Петрушка", как он писал о себе матери 20 апреля 1689 г., скромностью, подобно большинству европейских монархов, не страдал Петр, в отличие от своего сводного брата Федора, запретившего еще в 1680 году писать ему: "Умилосердися как Бог" (СГГД. Ч. IV. ь 120. С. 375), поддерживал все и всякие попытки собственного прославления, хотя и в этом не был новатором. Вспомним, что южные славяне по временам называли русских царей святыми (Сношения России... Ч. 1. С. 34, 232, 239 – 242, 281, 315; Ч. 11. С. 241, 249, 337, 358. Подробнее см.: Сивей. С. 71). Это мнение постепенно распространялось и в самой России. Так, Иван Тимофеев писал в своем "Временнике" о Борисе Годунове: "Достигнув царства, он так возгордился, что потом едва не сравнился с Богом". И при Иване Грозном, и при Федоре, и при Борисе Годунове льстецы строили церкви и писали иконы во имя их ангела. Автор только что упомянутого "Временника" Иван Тимофеев был убежден, что выше царя нет на свете человека. "Что из всего существующего может идти

в сравнение с головой царя!" - патетически восклицал он. И продолжал: "Если бы он и всего себя за жизнь отечества каким-либо образом отдал, то ничто и даже весь мир не может сравниться ценой с одним лишь волосом с царской головы. Все мы теперь видим, что это действительно так", - убеждал он далее читателя, почти гипнотизируя его (ср.: Wttfogel. S. 69). Лжедмитрий I велел именовать себя "царем всех царей". В его титуле подчеркивалась и богоизбранность его как государя: "Мы, Димитрий Иванович, царь всея Руси, Московской державы, самодержец Великого княжества Российского, Богом данный. Богом избранный, Богом хранимый. Богом чтимый. Богом помазанный, Богом возвышенный над всеми прочими государями, подобно второму Израилю руководимый и охраняемый силой Божией, единый христианский царь под солнцем и многих княжеств государь и повелитель" (Смута... С. 97, 100, 312, 356; ср.: Успенский В-А. 1982. С. 202 - 203). Примеры подобного обожествления или почти обожествления персоны царя можно умножать до бесконечности. Хорошо известны опыты самовозвеличения Грозного в его переписке с А.М. Курбским. Миниатюристы второй половины XVI - XVII века часто изображали царей с нимбами, подобно святым: Грозного - в повести епископа Варлаама, Рюриковичей и Романовых - в житии митрополита Алексея Пахомия Логофета (Мнева. С. 573 - 574; Филимонов. 1875. С. 48 - 57). Так что предшественников у Петра было более чем достаточно. Теоретическую базу подвел сторонник славянского единства хорват Юрий Крижанич в своей "Политике": "Самовладство подобно власти Божией. Ведь Бог - первый и подлинный самовладец всего света. А всякий истинный (или полновластный) король является в своем королевстве вторым после Бога самовладцем и Божьим наместником" (Крижанич. С. 548). Но Петр I превзошел всех своих предшественников. Он долго и последовательно готовил русскую и мировую общественность к принятию нового титула - императора. На международную аудиторию была рассчитана публикация, осуществленная в 1718 году, договора 1514 года Василия III с императором Священной Римской империи Германской нации Максимилианом I, т.е. того самого договора, где по оплошности имперского дипломата Г. Шнитценпаумера русский государь был назван императором-кайзером (ПДС. Т. 1. Стб. 1504; Т. 11. Стб.

1437). Того самого договора, из-за которого одному из последующих имперских дипломатов Сигизмунду Герберштейну спустя более четверти века пришлось выслушать немало горьких упреков со стороны польской знати, того самого договора, ради оправдания которого Герберштейну пришлось написать свои знаменитые "Записки о Московии" Договор 1514 года уже в середине XVI века послужил обоснованием царского венчания Ивана Грозного. И вот спустя два века Петр прибегает к тем же уловкам - ссылке на опубликованный им русско-имперский договор, как это делал и Иван Грозный (в Посольской канцелярии). В их концепции власти было много общего (Панченко, Успенский), хотя не только в концепции, но и в методах ее утверждения, упрочения международного престижа. Внутри страны методы "убеждения" Петром своих "нижайших рабов", как он повелел подданным именовать самих себя с 1 января 1702 г., были иными. Своим небесным покровителем Петр считал св. Андрея наряду со св. Петром и Павлом. В честь двух последних он называл корабли, церкви, крепости, но образы своих святых патронов на государственных регалиях в первый период своего царствования, когда его позиции были еще недостаточно крепки, он применять не решался. Мешала этому и популярность св. Петра и Павла у католиков. Взамен этого Петр прибег к эмблеме апостола Андрея Первозванного, которую с конца XVII века помещал на своей печати. В гербовом щитке под короной располагался орел, а вокруг щитка была изображена цепь ордена Андрея Первозванного с косым Андреевским крестом (Соболева, Ар шаманов . С. 41). Несколько слов об ордене св. Андрея Первозванного. Впервые Русь узнала о том, что апостол Андрей посетил ее, еще из "Повести временных лет". По пути из Малой Азии в Рим он якобы сделал крюк из Крыма вверх по Днепру. На горе, где, по его пророчеству, должен быть заложен огромный город, он воздвиг крест, а затем отправился в Новгородскую землю. Об обычаях ее жителей и в том числе об обычае париться в бане он рассказал в Риме (ПВЛ. Т. 1. С. 12; Мюллер. С. 48 - 63; Мурьянов. 1969; Чичуров. С. 7 - 23). Иван Грозный в полемике с иезуитом Антонио Поссевино в 1582 году толковал о миссионерской деятельности апостола Андрея в полном соответствии с традицией конца XV - середины XVI века, подробно описанной в Степенной книге,

излагавшей родословие Рюриковичей (ПЕРЛ. Т. IX. М. - Л., 1965. С. 34; Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 72 - 73; Т. 25. М. - Л., 1949. С. 338). Орден св. Андрея Первозванного был учрежден Петром I во второй половине 90-х годов XVII века (ср.: Вилинбахов. 1977; 1984). На трех походных печатях Петра I крест Андреевский крест вытеснил всадника с груди орла (Вилинбахов. 1977. С. 49; РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. N 31. Л. 3 - 4). "Кавалерия святого апостола Андрея" окружает и центральное изображение "герба" с тремя коронами и гербами российских городов на печати 1712 года мастера Беккера (Там же. Л. 3 об.). Знаки этого ордена постепенно входили в состав государственного герба. Цепь и знак Андреевского ордена были уже на пробной полтине мастера Василия Андреева, но там они не входили в рисунок государственного герба, а цепь лишь окружала его. На золотых 2-рублевых монетах 1718 - 1728 годов знак Андрея Первозванного заменил московский герб на грудном щитке орла. На серебряных монетах с 1729 года и на медных с 1755 года цепь ордена Андрея стала постоянной частью герба. Двуглавый орел с длинным хвостом, увенчанный тремя коронами, окруженный цепью, был снабжен скипетром и державой (Шукина. 1962. С. 7; Уздеников. 1985. С. 428, 430). В 1710 - 1714 годах происходят весьма существенные перемены. С 10-х годов XVIII века на монетах, памятных медалях, барельефах и знаменах орла изображали с императорскими коронами. В это же время такая корона перекечевала и на государственную печать. Распространилось и другое заимствование из империи: цвета государственного герба. Место золотого орла на красном фоне занял черный орел на золотом поле. Эти цвета были присвоены и царскому, и императорскому штандартам (Вилинбахов. 1981-1). Задолго до получения титула императора, в 1714 - 1720 годах, Петр I пользовался личной печатью, изготовленной, по-видимому, в 1711 - 1712 годах. На одной из сторон трехгранной печати из дымчатого топаза царь в короне и спадающей с плеч мантии, с резцом и киянкой в руках трудится над незаконченной статуей женщины с державой и скипетром, короной и мантией, символом России. Вся эта сцена развертывается на фоне Невы с плывущим кораблем и озарена лучами света из всевидящего ока наверху печати. Образ сотворения женщины - России поднимал царя до уровня бо-

жественного творца (Матвеев. 1987. С. 78). На другой стороне печати изображен традиционный двуглавый орел с всадником, а на третьей – облако, рука из которого протягивает корону. Легенда гласит: "Adjuvante Jehovu", т.е. "С божьей помощью" (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. No 34-1).

"Петр Алексеевич, царь и самодержец всероссийский", иногда с добавлением "вся Северная страна повелитель", как звучал его титул (Павленко. С. 36 – 37, 426 – 427), часто изображался и русскими, и иностранными граверами. На одной из саксонских медалей, созданных в мастерской гравера Х. Вермута, царя символизировал орел, который терзал льва – Карла XII Шведского. Медаль была вырезана по случаю Полтавской победы. Граверы именовали Петра по-разному: и "Божьей милостью великим царем московским" в 1698 году, и "великим царем России" в 1704 и 1710 годах, и "повелителем России", "вся России", "вся росийским повелителем" в 1708, 1709, 1716 годах, "великим князем московским" в 1703 и 1709 годах, и задолго до получения титула императора "Божией милостью императором росийским" в 1717, 1719 годах, и, наконец, "императором и самодержцем всероссийским". Однако даже в 1725 году в употреблении были старые титулы: "Божьей милостью вся Великия, Молью и Белью России царь и самодержец" (Матвеев. 1984, 1987; Тромонин. С. 74 – 79; Щуками. 1977. С. 132 – 133. Табл. 2 – 3; Заворотная. в 2, 3, 67; 6, 9, 13; 22, 23, 57; 60, 15; 74, 5). Со времен Петра I сложилась традиция изображения императора на жалованных грамотах русскому дворянству (Лукомский. 1913 – 3. С. 170 – 172), причем образ самого Петра порою воскрешал античные традиции (Лощман, Успенский. С. 236). В январе 1709 года Петр потребовал у И.А. Мусина-Пушкина, чтобы тот разыскал подобные жалованные грамоты, выданные до Ивана IV, и сообщил, какие на них печати (Соловьев. Кн. 8. Т. 16. 1962. С. 333). Петр был явно неравнодушен к вопросам геральдики. При нем впервые была переведена на русский язык книга "Символы и эмблемата" Тесно связанный с русским двором "литературный агент русского правительства за границей" (по определению С.Л. Пештича) вестфалец Г. Гизен (Гейсен, Гюйссен), составитель труда "Журнал государя Петра 1" (1715 год), велел выгравировать русский герб в Вене

и дважды издавал его рисунок в Саксонии (Пештич. Ч. 1. С. 127 - 134; Языков. С. 213 - 214). Европе стоило интересоваться Петром и его Россией. Правление Петра принесло перемены во внутреннем устройстве государства, его внешней политике, размерах территории, числе городов, культуре, нравах и быте. Отразилось оно и во внешнем оформлении верховной власти в России - уже не Московского государства или Российского царства, а Российской империи. Северная война за присоединение Прибалтики, принадлежавшей в это время Швеции, на 21-м году завершилась блистательной победой на море и на суше. Титул Петра I пополнился определениями "эстляндский", "лифляндский", "корельский". "Достаточно одного завоевания Прибалтики, - пишет современный нам историк, - чтобы прославить свое (т.е. Петра. - А-Х.) имя в веках" (Павленко. С. 426). Точно так же считали и верноподданные сенаторы в XVIII веке. 20 октября 1721 г. по случаю заключения Ништадтского мира они просили царя принять титул "императора всероссийского. Отца отечества и Великого" (ПСЗРИ-1. Т. 6. СПб., 1830. № 3840. С. 444). Практически они дважды называли царя императором, ибо Отец отечества - это буквальный перевод почетного титула римских императоров - "Pater patriae" и приравнивали его к патриарху, который был духовным главой общества (Успенский Б.А. 1976. С. 286). Но императорской короной Петр I не стал себя короновать, будучи венчанным на царство уже в 1682 году. 22 октября он ограничился присутствием на торжественном молебне в Троицком соборе новостроенного Санкт-Петербурга, где псковский архиепископ и верный сподвижник Петра Феофан Прокопович восславил его деяния, а канцлер Г.И. Головкин преподнес новые титулы. Он говорил: "Мы, Ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света... из небытия в бытие произведены и во общество политических народов присовокуплены". За правление Петра I почти не было создано и никаких новых регалий, за исключением короны для его супруги в 1724 году и мантии. В честь получения нового титула, который Петр Великий принял в мантии, он повелел вырезать новую трехгранную печать из горного хрусталя, где мантия фигурировала на всех сторонах. На двух она, увенчанная короной, служила фоном для его вензелей, на третьей - для орла (РГАДА. Ф. 136.

Оп. 1. в 34-III). Девять сенаторов, преподнесших Петру титул Отца отечества и Великого, "императора всероссийского", а затем и члены Синода облекли победителя шведов в императорскую мантию, тип которой сохранился до 1917 года. Она была подбита горностаем, а на ее лицевой стороне были вытканы двуглавые орлы (ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3840. С. 444; ГОЛ. С. 166; Матвеев. 1984), золотая парча и черные орлы соответствовали цвету герба. Титул "императора всероссийского" стал официальным. При жизни Петра его признали Пруссия и Голландия в 1722, Швеция - в 1723, Дания и Венеция - в 1724 году (Некрасов Г-А. 1972. С. 381 - 388). Остальные определения, "преподнесенные" императору, в титул не вошли, хотя они и насаждались с помощью современного Петру искусства (см. гравюры А.Ф. Зубова и других художников). Принятие императорского титула вызвало за рубежом огромную полемику (Вантэш-Каменский). Участники дискуссии, обосновывая права царя, ссылались на брак Ивана III и Софьи Палеолог (Nitsche. 1991 - 2. S. 81). По принятии Петром императорского титула последовал сенатский указ от 6 декабря 1721 г. о том, чтобы нынешний титул вырезать на стали (ПСЗРИ-1. Т. 6. в 3864). На следующий год А.И. Меншиков по приказу канцлера Г.И. Головкина распорядился изготовить "государственную печать и в круге оной вырезать новый его императорского величества титул, а между гербом и титулом вырезать провинциальные гербы" (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. Д. 27. Л. 1). Изготовление печати было поручено чешскому уроженцу Готфриду Рейбишу, который был нанят в Варшаве в 1709 году и должен был "вырезать всяких больших и малых печатав", а также "имя и герб" на золотую и серебряную посуду императорского двора. Кроме этого, к 1729 году, как он пишет в своей челобитной, "и манеты, и медали, и машины и прочий зделал" (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. № 28). Изменился и облик некоторых монет 1722 - 1725 годов. На рублях, чеканенных в это время, портрет Петра I на лицевой стороне дополнен монограммой П I, составленной из четырех крестообразно расположенных букв П и цифр I (Уздеников. 1985. С. 124, 129), что должно было напоминать крест Константина, к которому восходила и эмблема Византии. При изготовлении герба резчик Г. Рейбиш столкнулся с трудностями: "Каким образом вырезывать поля и каперы (цвета. -

А-Х.) провинциальным гербам, мы неизвестны", - доносил Мойщиков Головкину (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. No 27). 12 января 1722 г. была создана Герольдмейстерская контора, во главе которой 12 апреля того же года был поставлен выходец из Пьемонта граф Франциск Санта (Соболева. 1981. С. 32 - 33; Воронеж. 1898. С. 28). "Живописных дел мастером" был Иван Чернавский, позднее изобразивший "в лицах" несколько торжественных церемоний - траурных (погребение Петра I и Петра II) и праздничных (коронация Екатерины I и Анны Иоанновны) (Описание коронации... Анны Иоанновны. С. 420). Главной целью конторы было "сочинение" гербов всем обер-офицерам, дворянам и иностранцам, заслужившим право быть приравненными к дворянам и обер-офицерам. Не случайно в состав конторы вошел и барон Гизен, подготовивший проект "Табели о рангах". Среди многочисленных задач конторы - создание гербов для дворянства и гербов русских городов - немаловажное место заняла и работа над государственным гербом. Это было тем более необходимо, что существовавший герб уже не соответствовал реалиям начала XVIII века, хотя к этому времени исчезли не только некоторые элементы государственной эмблематики, но даже и воспоминания о них.

Жалованная грамота Петра I
князю Г. Ф. Долгорукому
от 27 марта 1715 г.

Один из просвещеннейших людей своего времени, политический деятель и дипломат князь Ф.А. Куракин при посещении Оксфорда в 1711 году удивлялся тому, что печать, привешенная к грамоте царя Бориса Годунова,

"вместо воску, как бы надлежало быть, вся сделана золотая... равно на снурке золотом". Еще более поразительно другое замечание Куракина: "А в середине орла, где бывает Георгий на лошади, поставлен единорог. То, признаваю, - пишет князь, - что герб Годуновых. А Георгий на лошади поставлен на другой стороне" (Архив кн. Ф.А. Куракина. С. 36). Так дипломат начала XVIII века аттестовал вислую пустотелую печать Бориса Годунова (ее историю и воспроизведение см.: Спасский. 1960. С. 114 - 115). Неясное свидетельство о первом русском гербе в виде трех кругов внутри треугольника оставил шведский ученый и путешественник Ф.И. Страленберг: "Что касается до государственного российского герба, то от государей древних времен по принятии веры христианской употреблялись три окружения в одном треугольнике. В первом подписание было: "Троица Бог наш искони бе, и асче три лица, но по существу един Бог", во втором надписывали титул княжеской в грамотах употребляемой. В третьем же окружении изображающся титул великаго князя. Со временем сей герб отменен и избран был белой всадник (ездок) в червленом поли, которой герб был владеющих на Москве князей" (Страленберг. С. 168). Это сообщение, несомненно, восходит к сведениям имперского посла на Руси 1517 и 1526 годов - автора знаменитых "Записок о Московии" Сигизмунда Герберштейна. Он обратил внимание на оформление грамот: "Свои титулы они (русские князья. - А.Х) издавна писали в трех кругах, заключенных в треугольник... Верхний содержал... слова: "Наш Бог - Троица, пребывавшая прежде всех век, - Отец, Сын и Дух святой... один Бог по существу". Во втором был титул императора турок... В третьем - титул великаго князя московского, где он объявил себя царем, наследником и господином всей восточной и южной России" (Герберштейн. С. 75 - 76, 301). Общие представления о государственном гербе изложил сам Петр в специальной записке, датированной геральдистом П.И. Белавенцом 1712 - 1718 годами и им же опубликованной в виде факсимиле. Петр касался в записке и истории герба: "Сей герб (зачеркнуто). Сне имеет начало свое отгулу, когда Владимир, монарх распеки, свою империю разделил 12 сынам своим, из которых владимирския князи возимели себе сей герб св. Егория, но потом ц(арь) Иван Васильевич), когда монархию, от

деда его собранную, лаки утвердил и короновался, тогда орла за герб империи Росиской принял, а княжской герб в груди оного поставих" (Белавенец. 1915. С. 68 – 69). В этой краткой записке обращают на себя внимание два утверждения Петра – о существовании империи с самого начала русской государственности и противоречащее этому, но совершенно правильное противопоставление "княжского" герба "имперскому". Вероятно, именно в связи с пониманием всадника как "княжеского" герба он стал реже употребляться на монетах (исключение составили алтынники и копейки Петра I, как и его преемников) (Уздеников. 1985. С. 124). Однако на государственной печати он остался. Вот как выглядела она по описанию ее создателя графа Франциска Санта от сентября 1722 года, дошедшему в переводе Б-И. Белкова: "Поле золотое или желтое, на котором изображен императорский орел песочный, т.е. черной, двоеглавой... На орловых грудях изображен герб великого) княжества) Московского, который окружен гривною или цепью орлина Св. Андрея. И есть сей герб таков... поле красное, на котором изображен Святой Георгий с золотою короною, обращен он налево, он... одет, вооружен и сидит на коне, который убран своею збрук) с седловою приправою с покрывшкою и подтянут, с подпругами... оный Георгий держит свое копьё в пасти или во рту змия черного". Это описание соответствовало печатям, изготовленным в 1710 году гравером Готфридом Гауптманом и в 1712 году Беккером, сменившим печать начала XVIII века. В символике Петровского времени отчетливо прослеживается мотив обожествления царя. Первому императору удалось доказать своим соотечественникам, что задачу возвеличения России он выполнил с честью. Недаром П.Н. Крекшин в своих записках обращается к Петру с парафразой молитвы "Отче наш" и слов канцлера Г. И. Головкина 22 октября 1718 г.: "Отче наш, Петр Великий! Ты нас от небытия в бытие привел, мы до тебя быхом в неведении, от всех порицаем" невеждами, ничто же имуще, ничто же знающе, ничто же ведущи" (Крекшин. С. 4). М.В. Ломоносов утверждал: "Он Бог твой. Бог твой был, Россия" (Ломоносов. Т. 8. С. 109). М.В. Ломоносова поддержали и А.П. Сумароков (ему принадлежит наивное нечестивое сравнение Петра I с Иисусом Христом), полагавший, что люди, благодетельствованные Петром, должны были считать его

Богом (Сумароков. С. 483), и Г.Р. Державин с его стихами:

*Как Бог, великим провиденьем
Он все собою озирает.*
(Державин. Т. 1. С. 31)

Иным было отношение к Петру со стороны старообрядцев XIX века. В их глазах Петр открывает ряд императоров-антихристов, поскольку "взял первинство самого истинного Бога и спасителя нашего Иисуса Христа", подобно папе римскому "восхитил божию (т.е. патриаршую. - А.Х.) и человеческую власть". "За кого вся Россия присягала? - риторически восклицал один из старообрядческих писателей. - За брадобривца, помазанника сатанинина, царя жидовца... душегубца и плотоядца, доброму делу ненавистца, лъстеца антихриста". Почти так же столетием раньше оценивали старообрядцы его отца - царя Алексея Михайловича. Они ссылались на Библию (3-ю книгу Ездры, 11, 37 - 46) и в государственном орле видели библейского орла-губителя (Гурьянова. 1980. С. 140, 147; 1982. С. 84, 86; Лотман, Успенский. С. 84, 86). Но обратимся к первой четверти XVIII века. Петр I, немало заботившийся о внешних признаках своей власти, считал необходимым короновать вторую свою супругу Екатерину Алексеевну (Марту Скавронскую), чтобы утвердить ее права на престол. Она оказалась первой женщиной в русской истории, удостоенной коронования в императрицы. Петр I оставил неприкосновенности церковный обряд коронования, даже не перенес его в новую столицу - Петербург, но ввел в него символику новой государственности. Первое в русской истории коронование императорской короной состоялось 7 мая 1724 г., как и прежде, в Успенском соборе Московского Кремля. Там был сооружен традиционный помост-подиум из 12 ступеней, и на него воздвигнут трон. Такой же трон под балдахином был установлен в Грановитой палате. Пурпурное коронационное платье Екатерины, сделанное по испанской моде, было покрыто богатым золотым шитьем в виде корон, ветвей и цветов (Верхгольц. Ч. 4. С. 25, 42; Бассевич. Стб. 160, 161; Описание коронования... Екатерины Алексеевны). Император, одетый в голубой военный мундир, не выпускавший в течение всей церемонии из рук скипетра, возложил на Екатерину мантию - корона-

ционную епанчу и корону из позолоченного серебра, осыпанную 2584

драгоценными камнями и с рубином наверху, увенчанную бриллиантовым крестом. Шапка Мономаха, равно как бармы и "аравийская цепь", отныне свое отслужила, ее лишь несли впереди императрицы в коронационной процессии.

Чем же различались эти два головных убора – венец и корона? Почему произошла смена первого второй? Как уже говорилось, венец представлял собой модификацию обычной княжеской шапки, только более богато украшенной. Корона, разновидность венца (именно венца – обруча, какими и были античные головные уборы, приносимые в жертву богам), служила признаком власти и формой своею соответствовала званию, сану и титулу лица, которому она принадлежала. Византия не знала короны, императоры носили стемму – низкую шапку с плоским невысоким верхом, увенчанную крестом. Изображения таких же головных уборов встречались и на древнейших русских монетах. Корона же, как правило, сделанная из металла или с его применением, появилась в Западной Европе. Одна из древнейших – корона Карла Великого с крестом, дугой и пятью выступающими-лепестками. Форма королевской короны в средневековье менялась, но ее отличительным признаком стали дуги, сходящиеся в центре. В Священной Римской империи Германской нации употреблялась корона из двух полушарий, дуги, расположенной в центре и несшей крест, и растительного узора, укрепленного на нижнем обруче. По образцу именно этой короны и была изготовлена первая русская корона (Винклер. 1895. С. 31 – 320).

Важна, однако, не форма короны, а ее назначение. Венец служил признаком княжеского, великокняжеского и даже царского достоинства (шапка Мономаха). Еще одну функцию – знака императорского титула – шапка нести уже не могла, поскольку ее форма этого не позволяла. Поэтому венчание и сменилось коронацией, а шапка Мономаха превратилась в архаическую почетную регалию.

Но вернемся к коронации. Петр возвел и усадил Екатерину на трон, вручил ей державу. Обряд, помимо колокольного звона, сопровождали хор военной музыки, барабанный бой, орудийный салют, клики "виват" и "ура", а также народное гуляние на Ивановской площади. На медали Ф. Медынцева и мастера "SZ" в память коронации изобра-

жены Петр и Екатерина в профиль в окружении надписей "Петр император, Екатерина императрица". Примечательно, что Петр одет в римскую тогу (Чепурнов. Ч. I. в 29. С. 6).

Не прошло и года после этой коронации, как 28 января 1725 г. Петр скончался. Мантия первого императора всероссийского послужила покровом на его гробу.

На трон вступила его вторая супруга, унаследовавшая не только титул императрицы и Российскую империю, но и символы власти.

При Екатерине I в соответствии с сенатским указом 1726 года следовало изготовить "печать... золотую, на которой вырезать орел черный с распростертыми крыльями в желтом поле, в нем ездца в красном поле. А вокруг той печати надписание: "Божиею милостию Екатерина, императрица и самодержица всероссийская" (ПСЗРИ-1. Т. 7. СПб., 1830. в 4850). Представления о коронах и всаднике уточнены в записке Военной коллегии 1729 года. Средняя корона - это большая императорская, а всадник - "Георгий на коне белом, побеждающий змия" (Лакиер. С. 184). Наконец, 25 февраля 1730 г. в соответствии с этим и был утвержден рисунок герба: "Двоеглавой орел черной, на главах короны, а наверху в середине большая импера^ торская корона - золотые; в середине того орла Георгий на коне - белые, побеждающие змея, епанча и копые желтые, венец желтой же, змий черной" (Лукомский. 1911 -1. С. 349).

При Анне Иоанновне в Россию прибыл швейцарец Иоганн Гендлингер, которого приглашал еще Петр I и который не смог воспользоваться этим приглашением, ибо он создал тогда печать для шведского короля. Гендлингер провел в России 1736 - 1740 годы. Ему довелось изготовить большую государственную печать, которая просуществовала до Николая I (Белавенец. 1915. С. 58).

В последующее время никаких особенных новшеств в герб не вносилось вплоть до правления Павла I. Таким образом, в 1712 - 1718 годах утвердилось понимание всадника как св. Георгия. Если еще в 1667 году всадник считался изображением наследника, то начиная с первой четверти XVIII века и вплоть до настоящего времени его стали понимать как образ св. Георгия. Поскольку, по традиции, всадник считался гербом князей Москвы, то

после превращения этих князей не только в царей, но и императоров в 1722 году всадник стал служить московским гербом. В объяснении городских гербов, представленных комиссией Миниха 1727 - 1729 годов, в той части записки, которая посвящена гербу Москвы, читаем: "Георгий на коне против того (т.е. также - А.Х.), как в середине государственного герба" (Лакиер. С. 184).

Государственный герб воспроизводился и на монетах. Двуглавый орел с всадником в грудном щитке и символами власти - державой и скипетром, цепью ордена св. Андрея Первозванного на плечах орла - это обычная композиция на золотых монетах 1701 - 1796 годов, серебряных 1730 года. Вокруг орла на золотых монетах 1755 - 1796 и 1802 - 1805 годов располагались Московский герб, гербы царств Астраханского, Казанского и Сибирского (Уздеников. 1985. С. 428, 430). В 1749 - 1753 годах чеканились золотые червонцы со знаком Андрея Первозванного.

Изображения государственного герба попадали и на различные предметы дворцового обихода, в том числе и на те, которые происходили из-за границы. При Петре I китайские аптекарские сосуды были украшены декоративными медальонами - двуглавые орлы в окружении переплетающихся веток с красными плодами. Геральдические щитки при этом были заменены растительными завитками. В Китае позднее заказывали и тарелки по образцу мейссенских, но с орлами. Правда, китайские мастера по незнанию не очень осторожно обращались с российской государственной эмблемой, в связи с чем в 1759 году в Сибирский приказ поступило распоряжение, "дабы старались в Китай на фабрики через купцов делать наставление, чтобы гербы один вверх, а другой вниз головами не были, а были бы вверх головами" (Арапова. С. 17 - 19). В середине XVIII века (до 1746 года) саксонский курфюрст и король польский Август III преподнес императрице Елизавете Петровне фарфоровый сервиз знаменитого Мейссенского завода, на каждом предмете которого были изображены российский герб и орден св. Андрея Первозванного (СГ. Май. 1912. С. 58).

Только в самом конце XVIII века государственный герб подвергся существенной модификации. Но прежде чем обратиться к геральдическим новшествам Павла I, стоит коснуться обряда коронования женщин и детей, которые сме-

няли друг друга на троне своего великого предшественника. Все эти коронации проходили по образцу коронации Екатерины I (коронация Петра II прошла безо всяких новшеств). Лишь при венчании Анны Иоанновны трон сменило серебряное позолоченное кресло. Оно было сделано в 1731 году в Лондоне Николасом Клаузенем и украшено двуглавым орлом и орнаментом из акантовых листьев, завитков и розеток. Подлокотники были стилизованы под орлиные головы, а передние ножки – под орлиные лапы. В 1797 году по распоряжению Павла I было сделано шесть деревянных копий тронов для всех дворцов, которые он посещал (ГОП. С. 372; Арсеньев, Трутовский. С. 83).

XVIII век был свидетелем многих коронаций, по преимуществу женщин, что, впрочем, не мешало проводить церемонию по установленному еще в XVI веке канону. Анну Иоанновну, дочь Ивана V и племянницу Петра I, супругу (с 1710 года) курляндского герцога Фридриха Вильгельма, в апреле 1731 года венчал известный церковный деятель, вице-президент Синода Феофан Прокопович. Он возложил на императрицу корону, подал в правую руку скипетр, в левую – державу. Корона была весьма примечательна. Она была изготовлена специально для этого случая ювелиром Готтлибом Вильгельмом Дункелем в Петербурге в 1730 – 1731 годах. Корона высотой 31,3 и окружностью 68 см состоит из двух ажурных полусфер и дужки между ними. На пересечениях серебряной ажурной сетки укреплены алмазы, а в ячейках сетки – цветы тоже с алмазами. Всего их 2636 штук. Венчает корону крупный мягко светящийся турмалин, на котором укреплен крест. Этот камень был куплен в Пекине в 1676 году Николаем Спафарием, переводчиком Посольского приказа, молдаванином по национальности, главой русского посольства в Китае. Турмалин побывал на алмазном венце Петра I, коронах Екатерины I, Петра II и, наконец, остался на короне Анны Иоанновны, в XIX веке считавшейся короной Царства Польского (Жмакин. Т. 37. С. 499 – 538;

Корсаков; ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1834. ь 5497, 5500, 5501). "Радость всероссийская, Анна Великая", "к защите веры и отечества Богом дарованная", как восхваляли императрицу на праздниках по случаю коронации и дня рождения, не принесла своим подданным ничего, кроме

ухудшения их положения (Ровинский. С. 202, 215). Все царствование курляндской герцогини на русском престоле можно назвать эпохой немецкого засилья. Удручающее десятилетие бионовщины закончилось лишь в 1741 году.

Елизавет, как звали дочь Петра I современники, предпринявшая активные усилия для занятия ею престола, удостоилась похвалы от новгородского архиепископа Амвросия. На коронации 25 апреля 1742 г. он произнес речь, в которой восхвалял храбрость императрицы, мужественно добившейся скипетра: "И кое ж большее может быть великодушие, как... идти грудью против неприятеля и сидящих в гнезде орла российскийской ношных сов и нетопырей, мыслящих злое государству, прочь выпужать, коварных разорителей отечества связать, побороть и наследие Петра Великого из рук чужих вырвать?" (Соловьев. Кн. 11. Т. 21. 1963. С. 126; Т. 22. 1963. С. 7. обстоятельное описание..; Анисимов. С. 151 - 152).

Тот факт, что Елизавета сама надела на себя корону, отметили "Санкт-Петербургские ведомости" от 6 мая 1742 г. Намек на это же обстоятельство содержался и в изображении на Триумфальных воротах: вокруг "солнца с круглым полем своим" находилась надпись "Само себя венчает". В описании ворот, сооруженных в Москве в честь приезда императрицы, содержалось и объяснение этого намека: "Сие солнечное явление от самого солнца происходит, не иначе как и ее императорское величество, имея совершенное право, сама на себя корону наложить изволила" (Описание... ворот... С. 15).

К опере "Милосердие Титово", поставленной по случаю коронации Елизаветы Петровны, Я. Штелин, тогда еще член Академии наук, а с 1747 года глава Академии изящных наук, добавил пролог, в котором "Россия по печали паки (снова. - А.Х.) обрадованная" была представлена в виде "запустелой страны", поросшей "диким лесом", где повсюду было разбросано "начатое, но недоконченное, а отчасти развалившееся и разоренное строение". В арии-плаче героиня оперы Рутения (т.е. Россия) и ее дети высказывали надежду на Елизавету: "Петр еще жив в лице своей дочери". Богиня Астрея там же восклицает: "Да здравствует, благополучная Елизавета, достойнейшая, вожделенная, коронованная императрица, Мать отечества, увеселительница человеческого рода, Тит вре-

мен наших" (Анисимов. С. 47). Подлинной преемницей Петра I считал Елизавету А.П. Сумароков:

*О мать своего народа!
Тебя произвела природа
Дела Петровы окончатъ!
(Сумароков. С. 35)*

М.В. Ломоносов в "Оде надень восшествия императрицы Елизавет", написанной в 1748 году, провозгласил:

*Москва едина, на колена
Упав, перед тобой стоит,
Власы седые простирает,
Тебя, богиня, ожидает...*

Однако еще в 1747 году богиня под пером Ломоносова была просто ангелом, к которому он обращался так:

*Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет...*
(Ломоносов. Т. 8. С. 207, 224)

Москва в 1742 году действительно ждала императрицу. По случаю ее прибытия усилиями новгородского архиепископа и графа С.А. Салтыкова были сооружены Триумфальные ворота на Тверской, на Мясницкой и в Китайгороде у церкви Казанской Божьей Матери, а в Успенском соборе и в Грановитой палате – два трона, вернее, тронных кресла. Мебельный мастер И. Бланк, сообразуясь со вкусом "увеселительницы рода человеческого" и духом времени, создал их в стиле, переходном к рококо. У них гнутые точные ножки, своеобразный декор из завитков, листьев пальм, раковин и даже головок амуров. На верху спинки помещен вензель императрицы, а над ним возвышаются скипетр и держава. На алом бархате спинки вышит золотой двуглавый орел со скипетром и державой и московским "ездецом" на его грудном щитке (ГОП. С. 371).

Елизавета короновалась короной своей двоюродной сестры Анны Иоанновны. Впоследствии именно эта корона стала образцом для всех других. В Успенском соборе заранее были приготовлены скипетр, держава, мантия из "златотканой материи с нашитыми частями двоеглавными орлами на меху горностаевом", корона.

Императрица Елизавета Петровна усовершенствовала го-

сударственную символику в России. При ней появились государственное знамя и государственный (церемониальный) меч. Они вместе с государственной печатью были включены в символы основного торжества царствования.

При коронации Елизаветы 25 апреля 1742 г. знамя нес оружейничий, генерал-аншеф Волков, печать на подушке – вице-канцлер действительный тайный советник Бестужев-Рюмин, а меч, держа перед собою острием вверх, – первый военный чин в империи генерал-аншеф Нарышкин с двумя ассистентами, из которых один, идя с правой стороны, нес ножны меча, а другой ;– с левой стороны – нес подушку, на которую тот меч был положен в соборе (Георгиевский. 1896. С. 84 – 85; ПСЗРИ-1. Т. 8. СПб., 1830. в 5517).

Самое [1] раннее известное изображение меча на официальной инсигнии относится к середине XVI века. На

1 Текст на с. 285 – 300 принадлежит Г.В. Вилинбахову.

откосе знамени "великий стяг" Ивана Васильевича Грозного 1560 года из собрания Оружейной палаты изображен меч. Понять его значение можно лишь в связи со всей композицией, помещенной на полотнище и расшифрованной многочисленными надписями на кайме: "Видение Иоанна Богослова. И видех небо отверсто, и се конь белъ и седяя на немъ, нарицашеся веренъ и истинненъ, и въ правди судить, и брани сотворить, очи жъ ему еста яко пламень огненъ, и на главе его венцы мнозии и мы иматъ написано, еже никтоже, токмо Он Самъ. Иже оружиемъ избиени седящаго на коне и изшедшимъ изо усть его: и видехъ единого Ангела стоящаго на солнце и возопий гласом велиимъ ко всемъ птицамъ, парящимъ посреди небеснымъ: приидите и соберитесь на вечери великого Бога да снете плоти Царей, и плоти крепких, и плоти коней, и седящихъ на нихъ, и плоти всехъ свободныхъ, и рабовъ и малыхъ и великихъ". В нижнем углу полотнища у древка, на кайме изображение св. Иоанна Богослова и надписи: "Видение Иоанна Богослова", "Св. Ап. Иоаннъ Богословъ в лето 7068". В центре полотнища в круге изображен Христос на белом коне и сопровождающие надписи: "ИСХС", "Царь Царемъ и Господь Господемъ", "Оболченъ въ ризу очервлену

кровию и нарицается имя его слово Божие и иматъ на ризе и на стегне своем имя написано Царь Царемъ и Господь Господемъ". По сторонам круга изображены херувимы и серафимы, а под ним – воинство небесное, эти изображения сопровождаются надписями: "И воинство небесное идяху въ следъ его на конехъ серебряныхъ оболчены въ висонъ бель и чистъ" и "изо усть его изыде оружие остро, да темъ избьетъ языки

(народы. – Г.В.) " На откосе в круге архангел Михаил, скачущий на коне с мечом и патриаршим крестом в руках; и изображением меча, т.е. собственно "оружие остро". Вероятно, знамя это было изготовлено во время Ливонской войны (Висковатов. Ч. 1. С. 68 – 69. в 120; Николаев Н.Г. Т. I. С. 20 – 22; Яковлев. Ч. I. С. 8 – 9; Белавенец. 1911. С. 7; ОМОП. С. 7 – 10. в 4061; Арсеньев. 1911 –2). Таким образом, уже в середине XVI века изображение меча встречается на государственной регалии, каковой является знамя царя, а также на ряде полковых знамен. Очевидна связь этой эмблемы с Апокалипсисом – видением Иоанна Богослова.

Напомним начальные строки этого произведения: "Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мной;

и обратившись, увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом: глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих. Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей".

Надписи на знамени Ивана Грозного также заимствованы из Апокалипсиса, а изображения – иллюстрации к ним. Многофигурная композиция знамени подчиняется закономерностям построения живописных произведений грозненского времени. "Если в начале века (XVI. – Г.В.) многофигурные композиции ограничивались в лучшем случае десятками, если не единицами фигур, хотя и считались явно перегруженными, – пишет О.И. Подобедова, – то теперь они населяются толпами, число действующих лиц может нередко исчисляться чуть ли не сотнями (особенно если учесть приемы построения толпы или

войска). Все эти многолюдные сборища волнуются, перемещаются, населяя, казалось бы, иконные и стенные плоскости повышенным движением, а на самом деле... оставаясь статичными и скованными" (Подобедова. С. 6).

Апокалипсическая символика сохраняется и на знаменах XVII века. Аналогичными стягу Ивана IV 1560 года были большие полковые знамена середины XVII века. В 1688 году Запорожскому войску было пожаловано знамя с изображением двуглавого орла, над которым на кайме было помещено изображение Вседержителя, в короне о трех венцах и в ризе красного цвета, а по сторонам надпись: "Верен и истинен и правосудный воин, очи же ему еста яко пламень огнен и на главе его венцы мнози, и облечен в ризу червлену кровию и нарицается имя его слово Божие, и из уст его изыдет оружие остро, да тем избьет языки, и той упасет жезлом железным". На многих прапорах XVII века на косицах помещены изображения мечей, а на одном на косице изображение меча и надпись "Иссеку отъ лица его враги его". К концу XVII века относится группа ротных знамен солдатских полков, возможно, иноземного строя, на которых помещено изображение выходящей из облака согнутой в локте руки в латах с мечом. Упомянем еще знамя, на полотнище которого - рука с мечом, крест с расширяющимися концами и полумесяц. Эта, внешне чисто геральдическая эмблема, широко известна на европейских знаменах XVI - XVII веков. К концу XVII века относятся два знамени полков иноземного строя, на одном из которых изображены перекрещенные скипетр и меч, наложенные на корону, на другом - в той же композиции два меча. На их принадлежность России указывает то, что в обоих случаях в верхней части знамени помещен патриарший крест на Голгофе с орудиями страстей (ОМОП. в 4067, 4068, 4145, 4185; Звегинцов. в 48, 50, 56, 58, 60; Белавенец. 1911. С. 61).

Особую группу составляют памятники, на которых изображен двуглавый орел, у которого в лапе вместо державы меч. К 1667 году относится первое известное нам подобное изображение, помещенное в сочинении Симеона Полоцкого "Орел российский". Толкование вложено в уста Полиимнии: "... Скипетр в деснице Орла российского знаменует благодать; меч же царский - на злых людей. Дий посылает скипетр, а Арей меч" (Симеон Полоцкий. 1915. С.

24, 36 - 37). На так называемом знамени царевны Софьи 1680-х годов ее портрет помещен на груди орла, у которого в лапах пальмовая ветвь и меч (Овчинникова. С. 116 - 117; Портреты... С. 116 - 117). Двуглавый орел, у которого в одной лапе скипетр и меч, а в другой - держава, изображен на большом пехотном знамени 1690 года, на котором помещены портреты царствующих братьев Ивана и Петра Алексеевичей. Около орла в клеймах надпись: "И покры яко орель гнездо свое милосердие и человеколюбие собра вся языки гнезда земнаго въ Троице славити Бога единаго; въ десныхъ пазьнохтяхъ жезль или скипетръ и мечъ, жезломъ сокрушить, яко сосуды скудельничи, языки поганыхъ, не знающихъ Бога, и всяка супостата и врага". 1695 годом датируется стрелецкое знамя, на одной стороне которого изображена сцена Страшного суда, на другой - двуглавый орел, на груди которого - портреты Ивана и Петра Алексеевичей, а в лапах - копьё и меч. Орел со скипетром и мечом в одной лапе и державой в другой изображен также на прапоре конца XVI I века (ГЭ. Знамя. 1555, 1688; Висковатов. Ч. 2. ь 127 - 128; Николаев Н.Г. Т. 1. С. 103 - 106; Опись ГЭ 1838 года. ь 21. С. 90. Чертеж 7).

Таким образом, изображение меча широко использовалось в русской государственной геральдике допетровского времени. Причем в двух значениях. Наряду с символикой, восходящей к образам Апокалипсиса, встречаются изображения, где меч трактуется как символ власти, т.е. фигурирует наряду со скипетром в лапах орла.

Если иконографически этот тип восходит, вероятно, к образцу герба Священной Римской империи, то символические корни следует искать в средневековом мировоззрении. Основой его служило учение о "двух мечах". По изречению евангелиста Луки, для управления людьми Бог вручил два меча: светский и духовный. Этим обосновывалось наличие двух господствующих сил: государственной власти и "священства" (церкви) (*regnum et sacerdotium*). В толковании папы Геласия (492 - 496) обе эти силы ставились в равное положение. В конце XI века учение о "двух мечах" получило новую трактовку. Сторонники папы утверждали, что духовный меч выше светского, так как он способен поражать и самих носителей светского меча - королей и императоров. Больше того, светский меч вручается монар-

хам духовной властью при обрядах коронации и помазания на царство. Сторонники императора доказывали, ссылаясь на Геласия, что оба меча равны, а крайние генрихианцы (так называли приверженцев Генриха IV) доказывали даже, что оба меча принадлежат императору и он по своей воле вручает духовный меч епископам (практика королевской инвеституры прелатов) (Колесницкий. С. 95).

В качестве иллюстрации к учению о "двух мечах" приведем миниатюру из манускрипта *Geste des Saxons de Lünebourg* 1442 - 1448 годов, на которой изображен Бог, вручающий два меча: светскому и церковному государям - императору и папе. Как символ светской власти меч фигурирует на миниатюре из Бамбергского саkraментария 1002 - 1014 годов: коронуемый император получает знамя и меч (Neubecker. P. 223; Kidson. S. 39. в 14). Таковы истоки семантики меча как символа власти.

Наряду с этим существует и символ божьего меча, карающего неверных, восходящий к образу Апокалипсиса. В европейской знаменной символике XVI - XVII веков часто встречается изображение согнутой в локте руки с мечом, иногда выходящей из облака, иногда облаченной в латы, которое расшифровывается как "рука Бога". В качестве примеров приведем несколько знамен: датское 1618 - 1648 гг. пехотного полка Фридриха III, саксонское 1618 - 1648 гг. полка Франца Альбрехта, английские 1642 - 1651 гг. личной гвардии Эссекса и полка сэра Уильяма Сандерса Букингемширского, польские кавалерийские штандарты и морские флаги XVII века. Причем в Польше эта эмблема не только читалась как рука Бога, но и являлась специальным знаком короля, т.е. синтезированы оба символа меча. Подобный синтез двух понятий встречается и в раннем средневековье. Так, в IX веке Агобар Лионский описывает меч, переданный папой императору, как символ подчинения варварских народов, дабы они могли принять веру, и как символ расширения пределов царства верующих, т.е. "меч духовный" как бы передается в руки светского государя и происходит слияние "двух мечей" в единый, несущий в себе идею светской и духовной власти, а также являющийся символом божьего меча, направленного против неверных (Алярд; Smith. 1975 - 2. P. 73; Wise. P. 101 - 103).

1696-м годом датируется знамя гербовое царя Петра Алексеевича. На нем в центре изображен двуглавый орел,

у которого на груди в круге образ Христа на коне с мечом, выходящим из уст. На кайме круга надпись: "Отъ усть его изыде оружие обоюдно острое, еже победити вся враги помазанника своего, видимыя и не видимыя". В клювах орла и у копий, которые он держит в лапах, помещены хартии с надписями: "Се вознесе главу мою на враги моя", "Десница твоя Господи, прославися въ крепости", "Дасти

же сокрушити супостаты твоя", "Прими копие святое, яко даръ от Бога". Орел изображен на фоне моря с кораблями. На откосе изображен "камень веры" с предстоящими апостолами Петром и Павлом (либо св. Алексеем), и надписи: "Се полагаю во основании камень краеугольный, да созиждется верное мое Царство до скончания века" (под камнем), "Покрыю его, яко позна имя мое" (над камнем) (Висковатов. Ч. 2, С. 93 - 94; Николаев Н.Г. Т. I. С. 102; Звегинцов. С. 4. ь 32; Мамаев. С. 28 - 29).

Налицо явная параллель с вышеописанным "великим стягом" Ивана Грозного. В этом нет ничего удивительного, так как образ этого царя во многом был примером для молодого Петра, причем в течение всей его жизни. Если в начале самостоятельного правления, отправляясь под Азов, Петр берет с собой стяг с изображением Спаса, с которым Иван Грозный был под Казанью, то в 1721 году Петр был очень доволен Триумфальными воротами в Москве, устроенными герцогом Голштинским по случаю Ништадтского мира, на которых по одну сторону изображался царь Иван Васильевич, скачущий на коне, и гербы присоединенных им княжеств, по другую - конный Петр и гербы новоприобретенных провинций. На первом изображении находилась надпись "Incepit" (начал), на втором - "Perfecit" (окончил). Петр сказал: "Эта иллюминация самая лучшая во всей Москве; тут представлены мои собственные мысли. Этот государь мой предшественник и пример; я всегда принимал его за образец" (Савлучинский.

С. 157; Дмитриев. С. 61).

На полковом знамени лейб-гвардии Преображенского полка 1700 года изображен двуглавый орел с мечом в лапе. На ротном знамени полка этого же года помещена пышная барочная композиция с кулисами, фигурами Марса и Нептуна, арматурой, короной, раздвинутый занавес открывает вид на море, по которому плывет лодка, в ней

Сатурн обучает юношу управлению веслом. Над ним всевидящее око, а под ним меч, обращенный вниз. На ротных знаменах Преображенского полка 1701 и Семеновского полка 1700, 1701, 1706 годов в центре полотнища, в окружении цепи с Андреевским крестом, изображался обращенный вниз меч под всевидящим оком. Ту же композицию можно видеть на ротном знамени Преображенского полка 1706 года, но под мечом нарисованы берег, море и корабль. На ротных знаменах армейских полков 1700 – 1712 годов в окружении цепи с Андреевским крестом изображена рука с мечом, выходящая из облака. И, наконец, знамя городских солдат, "построенное" в Казани в 1704 году, – в обруче выходящая из облака рука с мечом и надпись: "Господи десною твоею рукою христианская воинства защиты и оружием меча нечестивые сопостаты победы" (Висковатов. Ч. 2. С. 52 – 57; Николаев Н.Г. Т. I. С. 203 – 208, 212 – 214; Звегинцов. в 61, 62, 64, 68, 71, 77, 80; ОМОП. в 4169).

На основной массе петровских знамен помещается изображение меча как меча Божьего, что является параллелью описанным выше европейским знаменам. Эта эмблема есть уже на первых знаменах Петровской эпохи и сохраняется на всем ее протяжении. Причем в государственной геральдике продолжается единая линия, начатая в XVI веке знаменем Ивана Грозного.

В связи с вышеизложенным возможна и интерпретация эмблемы – рука с мечом, выходящая из облака, поражает змею. Может быть, в России иконографический тип этой эмблемы был заимствован из издания "Символы и эмблемата" и в частности оттуда перекочевал на полотнище знамени Луцкого полка образца 1712 года (Мамаев. С. 34. Илл. 12). Во время фейерверка 1 января 1704 г. в Москве по случаю взятия Канцев в 1703 году на одном из транспарантов было изображение Марса, а в одном из медальонов, сопровождавших его, помещена рука с мечом, поражающим змею, и девиз "Уповаешь дондеже жизнь имеет" (Алексеева. 1978. в 62. С. 52, 54). Интерпретация этого сюжета возможна лишь как меча божьего, поражающего неверных, т.е. опять в изображении меча заключена апокалиптическая идея.

На транспаранте фейерверка 1 января 1705 г. в Москве изображена рука с мечом, выходящая из облака и поражаю-

щая змею, напавшую на женщину (девиз "отмъщу немилосердию") (Алексеева. 1978. С. 59 - 60). Эта композиция восходит к следующему сюжету из Апокалипсиса (XII): "И явилось на небе великое Знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от боли и мук рождения. И другое Знамение явилось на небе:

вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами и на голове его семь диадем. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца. И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его. А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней. И произошла на небе война:

Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаню..."

Образ "жены, облеченной в солнце был не чужд русской знаменной символике XVII века и Петровского времени. Его можно видеть на знамени конца XVII века, хранящемся в Стокгольме, и на втором знамени Морского регимента, где на груди орла в круге вписан тот же образ "жены, облеченной в солнце", а в лапах орла скипетр и меч. На одной стороне прапора XVII века из собрания Оружейной палаты помещен "Ангел Господен" с мечом в правой руке и надписью на груди "кто яко Бог". Другую сторону полотнища занимает Богоматерь с младенцем на руках, стоящая на полумесяце (Белавенец. 1911. С. 42;

Мамаев. С. 28. Илл. 3; Висковатов. Ч. 1. С. 94 - 95; ОМОП. в 4194).

На различных памятниках Петровского времени изображения меча встречались в сочетании с другими государственными эмблемами. На гравированном И. Ширским в 1691 году "Тезисе" И. Обидовского двуглавый орел снабжен копьем и мечом в лапах (Алексеева. 1977. С. 9, 15).

В составе русского государственного герба меч изоб-

ражен на заглавном листе "Арифметики" Л. Магницкого 1703 года (гравюра М. Карновского), на гравированном А. Шхонебеком в 1704 году проекте оформления главного входа в Арсенал, на центральном панно на Триумфальных воротах "именитого человека Строганова" в Москве в 1709 году, на гравированной И.Ф. Зубовым и Г.П. Тепчегорским в 1712 году Конклюдии-программе Лаврентия Трансильванского, изображающей переход молдавского господаря Дмитрия Кантемира в русское подданство. Гравированная А. Зубовым аллегорическая композиция, прославляющая князя А.Д. Меншикова, украшающая фронтиспис книги "Ляврея или венец бессмертных славы..." 1714 года включает изображение двуглавого орла под тремя коронами, держащего в одной лапе державу, в другой - меч. Приведенным примерам по смыслу близко изображение на фронте северной стены московских Триумфальных ворот в декабре 1702 года, где скипетр, перекрещенный с мечом, помещен под короной (см. подробнее: Вилинбахов. 1987. С. 63 - 64). А на Триумфальных воротах 1704 года "крестообразно скипетр с рукою, знамение державных силы, и меч, знамение правды и отмщения, яко тьми его царское пресветлое величество российскойскую землю свою в целости соблюдает". Назначение меча в связи с символами власти отмечал Феофан Прокопович, когда говорил "о высочайшей державе, яко от Бога устроена и мечем вооружена есть и яко противитися ей есть грех на самага Бога..."

В этих памятниках меч выступает в качестве символа власти.

Особый интерес представляют изображения меча в сочетании с образом Петра Первого. Так, на фронтисписе "Новой чертежной книги..." К. Крэйса 1703 - 1704 годов изображен сидящий Петр, левой рукой указывающий на корону, а правой - держащий меч; два ангела над ним трубят славу, один из них держит скипетр, между ними - щит с двуглавым орлом (Гомзина. С. 105). В данном случае меч сам выступает как символ власти. Аналогичная символика меча и на гравированной около 1708 года А.Ф. Зубовым, П. Пикартом и учениками карте Европы, где меч, перекрещенный со скипетром, и корона изображены под портретом Петра Первого (см. подробнее: Вилинбахов. 1987. С. 64). Однако в этих изображениях возможно и особое

осмысление образа самого Петра, а не только абстрактных символов власти. В Слове на воспоминание Полтавской победы Феофан Прокопович восклицал:

"Петр, и к скипетру, и к мечу родившийся, самодержец наш и воинственник наш" (Савлучинский. С. 149 – 150).

Развитие и формирование эмблематики Петровского времени происходило в эпоху барокко, отличную от других не только стилистическими особенностями искусства, но и формой мышления. Эмблематика была одним из важнейших жанров, предельно выражавшим основные особенности искусства того времени, в котором, как в фокусе, собирались и перекрещивались идейные устремления и художественные тенденции. Смысл эмблемы, "умственный образ" не был строго фиксирован. Он отличался динамичностью, мог быть многофункционален, хотя в известной мере связан традицией. Так, одно и то же изображение могло приобретать различный смысл. Это касается и меча. В начале XVI II века появилось еще одно его значение. Эмблемой патрона Петра Великого – апостола Павла (напомним, что Петра крестили в день св. апостолов Петра и Павла, 29 июня) было изображение меча, т.е. орудия, которым Павел был казнен. В средневековой эмблематике часто встречаются перекрещенные мечи, а еще один вариант эмблемы апостола Павла – меч, на который наложена открытая книга с надписью *Spiritus Gladius*, т.е. меч духовный. Совместная эмблема апостолов Петра и Павла – перекрещенные ключ и меч (Ellwood. Post. P. 49, 75). Именно такое изображение можно видеть под портретом Петра на фронтисписе книги "Триумф польской музыки", напечатанной в 1706 году в Москве, и на транспаранте фейерверка 1 января 1723 г. в Москве по случаю взятия Дербента. В книге Иоанна Максимовича "Осм блаженства евангелские от Христа господи Спаса нашего изречение" 1709 года о Петре-победителе говорится: "Се есть меч златий" (Луппов. С. 109. Рис. 12; Алексеева. 1978. С. 24 – 25; Панегирическая литература... С. 62).

Существовал еще один вариант символики меча. В Петровское время на многих памятниках встречается изображение Марса, естественным атрибутом которого является меч. Однако один из образов русских пьес начала XVIII века "Марс роксалянский" – Петр. Впервые он появляется в пьесе "Страшное изображение" 1702 года.

"Марс российский" в своей победе видит победу православной церкви в первую очередь:

*Аз же, меч изощренный извлеки по бозе,
изсекох окаянных в ревности мнозе...
Где же знамения вознесох в победу,
отмстих благочестия многую обиду.*
(Серман. С. 19)

1 января 1703 г. в ознаменование взятия русскими войсками Нотебурга было устроено представление "Торжество мира православного", основная идея которого была изложена в "перечне" первого явления третьего действия: "Злочестие, жалея о погибели Идолослужения и умножении Благочестия вжигает две кометы, луну таврикийскую, льва шведскаго, еже вредити Православию; но Благочестие, под криломи орла великороссийскаго неврежденно, Марсу российскому дает крест и меч, еже Православия борителя побеждати" (Серман. С. 19 – 20). Петр-победитель выступает на Триумфальных воротах в нескольких образах, в том числе и в образе Марса. Так, в верхней части Триумфальных ворот 1704 года было изображение "Марса вооруженного (сиречь воинскую его царскаго пресветлаго величества силу, в возвращенных странах оставленную) со щитом, на нем же имя его царскаго пресветлаго величества написано, мечем аки бы поражающего Фаетонта внизу, утопающего в море, знаменующаго силу свейскую, в Ливонии в потоках крове своя от российского Марса пролияныя, утопающую" (Панегирическая литература... С. 97, 175 – 176).

Феофаном Прокоповичем в Софийском соборе в присутствии Петра, вероятно, 24 июля 1709 г. был произнесен "Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками Свейскими победе", в котором Петр назван Марсом: "Твой же Марс, о монархо всероссийский" (Панегирическая литература... С. 194).

Итак, наряду с широкоизвестными эмблемами, встречаемыми в русской государственной геральдике, такими, как двуглавый орел, ездец, единорог, крест Константина, Андреевский крест, использовалось и изображение меча. Эта эмблема допетровского времени имела двойную семантику: духовную и светскую, как символ власти. Изображение меча на русских знаменах первой четверти XVIII века не было нововведением этого времени, а продолжало уже

установившуюся традицию. Тем более нет оснований говорить о чисто светском характере этой эмблемы в Петровское время, так как на большинстве памятников, прежде всего на знаменах, меч фигурирует как оружие Бога, "меч Божий", направленный против неверных, связанный семантически с Апокалипсисом. Это представляется в высшей степени естественным для православного государства, в котором религиозность сохраняет свою силу, несмотря на всю кажущуюся, при поверхностном взгляде, атеистичность реформ Петра.

При Петре в соответствии с общими закономерностями развития барочной эмблематики многозначность этой эмблемы стала еще шире; это в немалой степени было обусловлено тем, что эмблемой одного из патронов Петра был меч. Кроме того, значительную роль в распространении идей и эмблем, так или иначе связанных с образом Петра, сыграло формирование в это время абсолютизма, культа государя, царя, императора. На службу этому процессу было поставлено все: литература, изобразительное искусство и, конечно, геральдика.

Государственный меч России был коротким – длина трехдольной стальной полосы около 0,74 м, ширина 6,7 см. Золотая чеканка на клинке изображала на одной стороне двуглавого орла, сжимавшего в когтях дракона, на другой – грифона с мечом. Рукоять (длиной около 37,7 см) имела украшение в виде двух орлиных голов под короной, крыж (крест) также был устроен в виде орлиных голов. Ножны были обтянуты золотым глазетом.

Государственный щит в XVIII веке на коронации не выносился и имел, скорее, декоративный характер. Его употребляли на церемониях при погребении российских монархов.

Круглый государственный щит тоже был небольшого размера – около 60 см в диаметре. Щит украшали 42 пластины горного хрусталя и нефрита, на которых в позолоченных гнездах были помещены рубины, изумруды, бирюза, жемчуг (Вельтман. 1848. С. 64 – 65).

Императрица Екатерина II, подобно своей предшественнице, венчала себя сама. Она пришла к власти, устранив собственного супруга Петра III, очень недолго занимавшего трон в 1761 – 1762 годах, но успевшего значительно расширить объектную – территориальную часть титула сло-

вами:

наследник норвежский, герцог шлезвиг-голландский, стормарнский и дитмарсенский, граф ольденбургский и дельменгорский. Вместе с супругом Екатерина II упразднила и привнесенную им по наследству от отца часть титула. 22 сентября 1762 г. она собственноручно возложила на себя корону. Первый же член Синода новгородский архиерей Димитрий во всеуслышание объявил в Успенском соборе:

"Господь положил на главе твоей венец".

Новая корона Екатерины II была изготовлена придворным ювелиром Е.П. Позье, бармами же она воспользовалась, скорее всего, изготовленными еще в мастерской Ирины Годуновой для царя Федора Иоанновича (с Деисусом, Никитой мучеником и Федором Стратилатом) не позже 1596 года.

Жалованная грамота Екатерины II 1774 г.

Новая императрица проделала путь к императорской короне в серебристо-зеленоватом платье, расшитом многочисленными двуглавыми орлами. В честь коронации была выбита медаль, надпись на ее оборотной стороне гласила: "Православие и Российское отечество... спасенные геройским духом е(е) и(мператорского) в(еличества) от угрожавших им бедствий, радостно возносят... щит с именем ее величества".

Жалованная грамота Екатерины II
1774 г.

Свою приверженность православию подчеркивала и сама Екатерина. Совершив 28 – 29 июня 1762 г. государственный переворот, она заявила: "Я вступила на престол и была возведена на него для защиты православной веры, я имею дело с народом религиозным". Досифей назвал ее защитницей Отечества и благочестия при встрече в Петровско-Разумовском 11 сентября на пути из Петербурга в Москву: "Се царствующий град Москва... усретает вожденную мать и государыню свою. Гряди, защитница Отечества, защитница благочестия". Подобно Петру I, по предложению графа А.П. Бестужева-Рюмина она получила титул Великой и Матери Отечества.

Тотчас по воцарении Екатерины II стали обсуждаться проекты памятника новой императрице. Если ее тезка ограничилась рассылкой собственных портретов кисти А. Каравака ко дворам всех европейских государей, то Екатерина II занялась "монументальной пропагандой" своей особы и преуспела в этом (ГОП. С. 324, 338 – 341– Соловьев. Кн. 11. Т. 21. 1963. С. 582; Кн. 13. Т. 25. М., 1965' С. 124, 127; Т. 26. С. 129).

Присоединение Крыма в 1783 году, а соответственно и новое приращение титула "царицы Херсониса Таврического" дало импульс новому апофеозу "Матери Отечества" – императрицы (Лопухин. С. 57). Иконографическая схема его представлена на различных предметах, в том числе и на небольшом кубке: Екатерина со скипетром и державой чуть ли не попирает двуглавого орла, а перед нею наверху – "Всевидящее око", рядом с которым красуется ее вен-

зель, на том же уровне, что и символ Бога-отца - око. Немного позади императрицы расположена фантастическая фигура, в левой руке которой голова в чалме, а под обезглавленным человеком, лежащим рядом, виднеется бунчук (символ власти, в данном случае турецкого пашы) с полумесяцем. Бравый воитель правой рукой протягивает Екатерине корону (Арсеньев, Трутовский. С. 222).

Прославление боевых подвигов российской армии и мудрости "владычицы полвселенной" (Записки... де-Сантлена. С. 465) сопровождалось изменениями и в составе герба Российской империи. 8 марта 1784 г. был утвержден герб Таврической области - двуглавый орел с тремя коронами и восьмиконечным крестом на груди, с державой и скипетром в лапах (Винклер. 1900. в XIX). Включение Голгофского креста в эмблему "Херсониса Таврического" не случайно. Именно в это время была очень популярна идея о двуглавом орле как результате брака Владимира Святого и греческой княжны Анны, сестры византийского императора Константина VII (Дильтей. С. 309). Эта мысль впервые прозвучала в Соборном послании константинопольского патриарха 1561 года, но подлинную жизнь в России она обрела именно в период борьбы за Крым. "Царица Херсониса Таврического" в результате третьего раздела Польши в 1795 году стала княгиней "курляндской и семигальской", а герб пополнился грифонами и оленями Курляндии и Земгалии. В свои же личные печати Екатерина II внесла символ власти, введенный Петром I, - мантию, увенчанную короной. На одной из своих печатей она попыталась передать неосуществившуюся и, вероятно, неосуществимую тогда идею государственных преобразований на пользу общества: на ней были изображены куст розы, улей и пчела, над которой красовалась надпись: "полезное" (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. в 54. Лл. 2,4).

Правление Екатерины II завершилось в 1796 году. Три четверти столетия власти по преимуществу императриц - матерей Отечества - истекали. Завершалось время, когда обожествление российских государынь достигало наивысшей степени. Впрочем, при Екатерине II несколько возвысились в ранге и рядовые жители Империи, разумеется, привилегированные. Из "нижайших рабов" по указу 1786 года они превратились в "подданных" (ПСЗРИ-1. Т. 16.

СПб., 1841. в 329).

После смерти Екатерины II 25 ноября 1796 г. произошло уникальное событие в мировой истории венчаний: во время панихиды по Петру III, тело которого было эксгумировано, была сделана попытка коронования его останков. На гроб была возложена императорская корона (П.Б. С. 2068 – 2070; Воспоминания... Лубяновского. С. 148; Записки... де-Сантлена. С. 481 – 482).

Обряд совершался при еще не погребенной супруге Петра III Екатерине II, похороны которой состоялись лишь 18 декабря 1796 г.

Только после этого, 5 апреля 1797 г., короновался Павел I, а вместе с ним и его супруга Мария Федоровна. В память первого в России одновременного коронования царственных супругов была вырезана специальная медаль с весьма лаконичным сообщением о дате изготовления:

"Резана в 1797 году" (КС. Т. 1. С. 95). Золотой скипетр императора был усыпан алмазами и увенчан самым большим из них – алмазом "Орлов" стоимостью 2,5 млн. рублей.

Держава нового императора, изготовленная из синего яхонта и украшенная бриллиантами, использовалась и последующими царями.

Государственный герб подвергся при Павле I модификациям в связи с восстановлением им определений, внесенных в титул Петром III, а также с присоединением Земгалии. Павел I стал "князем самогитским" и "великим магистром державного ордена св. Иоанна Иерусалимского". В 1798 году орел в окружении местных эмблем изображался на фоне сени (горностаевой мантии), ниспадавшей из-под шлема, увенчанного короной. Такую же корону над самым щитом держали вновь введенные щитодержатели – архангелы. Под этой нижней короной были укреплены золотые знамена с черными государственными орлами. Сам щит представлял собой вытянутый вверх прямоугольник, в центре которого располагался орел с высоко поднятыми по обыкновению конца XVIII века крыльями, а по сторонам, также в прямоугольниках, но мелких, были помещены местные гербовые эмблемы. Изза щита были видны концы белого мальтийского креста.

Среди территориальных эмблем встречаются все те титульные, которые были введены еще Петром III (кроме дельменгорской). Согласно указу от 10 августа 1799 г., все

эти перемены были узаконены. Большая печать Павла для герцогства Шлезвиг-голландского диаметром 7,8 см имела изображение всех этих эмблем и латинскую надпись (РГА-ДА. Ф. 136. Оп. 1. ь 69. Л. 5; ср. печать Петра III:

Там же. ь 135. Л. 1). Отныне мальтийский крест с короной должен был размещаться на груди орла под щитком со св. Георгием (ПСЗРИ-1. Т. 25. СПб., 1850. ь 19074). Рисунок герба для рассылки во все присутственные места был гравирован наиболее талантливым резчиком того времени Н.И. Уткиным в Академии художеств (Лукомский В.К. 1911 - 1. С. 350). 19 августа 1799 г. был издан указ "О изображении утвержденного российского герба на печатях" (ПСЗРИ-1. Т. 25. ь 19089).

В связи с чем появилась на государственном гербе мальтийская эмблема с ее крестом - модификацией креста Константина? Что представлял собой Мальтийский орден? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно совершить экскурс в средневековую историю двух земель, весьма далеких от России.

Еще в середине XI века купцы из г. Амальфи основали в Иерусалиме больницу во имя Иоанна Предтечи. Покровительствовал ей Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, возглавивший первый крестовый поход на Восток, и первый правитель Иерусалимского королевства. В 1113 году папа Паскаль II даровал устав ордену больничников св. Иоанна (госпитальеров). Орденские братья принимали обеты послушания, целомудрия, нищеты, странноприимства и воинственности. Когда в 1191 году Саладин овладел Иерусалимом, орден перебрався в Аккру, в 1291 году еще дальше - на Кипр, в XIV веке - на Родос (там его члены именовались родосскими братьями), в 1522 году при турецком султানে Сулеймане Великолепном, владения которого включили в себя и Родос, - на дарованный ордену императором Священной Римской империи Карлом I остров Мальту. При защите ордена св. Иоанна от турок в 1565 году отличился его магистр Ла-Валетт. В 1798 году Бонапарт захватил Мальту, а большинство братьев Иерусалимского ордена госпитальеров переехало в Россию. В благодарность за пристанище, хотя и оказавшееся непрочным, капитул ордена избрал новым магистром российского императора, вручив ему орденские регалии - мантию, корону, крест и меч. Мальтийская корона же резко отлича-

лась от той, которой венчался Павел I. К позолоченному обручу были прикреплены восемь дуг, на перекрещении которых высились "яблоко" и белый эмалевый восьмиконечный кресте концами в виде ласточкина хвоста. На дугах выбиты круги, овалы и многогранники (Арсенъев. 1908. С. 62 – 63; Печникова. С. 126; Винклер. 1900. С. 40; Спасский. 1993. С. 29 – 30; Дуров. 1994. С. 179 – 183).

Павел I поспешил увековечить себя в новой короне, а орденский знак поместить на государственной печати. Именно такой печатью и был утвержден "Всероссийский гербовник русских дворянских фамилий", начатый изданием в 1797 году. Донатом (знаком) Мальтийского ордена по указу от 28 декабря 1798 г. награждали нижние чины в армии за 20-летнюю беспорочную службу (Чепурнов. Т. I. С. 66).

Подготовил Павел I и манифест "Полный герб Российской империи". На заглавном листе рукописи манифеста помещены все чужеродные аксессуары государственного герба: мальтийские крест, корона, знамя с тем же крестом и орден Ла-Валетта. С ними плохо вяжется девиз этого листа "Слава России", помещенный на крыльях безголовой птицы (вензель Павла I заменил орлу головы). Заметим, кстати, что подобный девиз единственный раз оказался на документе, имевшем отношение к описанию, законодательному введению или оформлению государственного герба. Манифест, подписанный Павлом I менее чем за три месяца до смерти, 16 декабря 1800 г., вводил два знамени – одно с государственным орлом, мальтийским крестом и всадником, а другое – с одноглавым коронованным орлом. Из-за насильственного переселения Павла I в лучший мир манифест остался неопубликованным (Лукомский В.К. 1911 – 1).

Продолжала, однако, выходить "История ордена святого Иоанна Иерусалимского" А. Лабзина, который пытался доказать исконность связей России с госпитальерами, уставленную в конце XVII века, когда к ним совершил путешествие Б.П. Шереметев, лучше же всего он сумел продемонстрировать преемственность политики Павла I от дипломатии Екатерины II, уже в 1795 году ставшей протектрисой ордена (Лабзин. Ч. V. С. 263). Но довольно о Мальтийском ордене и его русских высочайших покровителях...

Павел I не ограничился введением мальтийских эмблем, он создал "Учреждение об императорской фамилии". В отделе III (¹ 41) "О титулах, местах, гербах и либерее (ливрее. - А.Х.), принадлежащих рожденным от императорской крови" читаем: "Герб государственный, императорской фамилии принадлежащий, со всеми его знаками оставаться должен наследнику и всем, пользующимся титулом императорского высочества. Те, коим дан титул князей и княжен крови императорской, знака московского герба иметь не могут" (ПСЗРИ-1. Т. 24. СПб., 1860. ь 17906).

Если первое новшество Павла I просуществовало лишь до его смерти - 12 марта 1801 г. был издан манифест о кончине Павла и вступлении на престол Александра I, а 26 апреля - об употреблении государственного герба бе: креста святого Иоанна Иерусалимского (ПСЗРИ-1. Т. 26 СПб., 1850. ь 19850), то второе пережило незадачливой реформатора герба. В течение всего XIX и начала XX веко! князья и княжны не получили права пользоваться московским гербом.

После присоединения Грузии к России в 1801 год.) среди регалий появилась изготовленная по распоряжению:

Павла 1 грузинская корона (Арсеньев, Трутовский. С. 115) Она, в отличие от мальтийской короны и далматика, тож(введенного Павлом I, "участвовала" в коронации следующего российского государя (Чин действия...).

Восторженные почитатели Александра I, внимательно следившие за въездом монарха в Москву, равно как и зг всеми этапами коронационных торжеств, при виде царя i мантии, короне, со скипетром и державой, "преобразившего себя в существо необыкновенное", восклицали: "Это был полубог, посредник между помазанником небесные и народом своим, творец всего счастья земного!" Вместе с "Богом избранным отцом миллионов народа" венчался и "наш ангел" - императрица, одетая в мантию и цеш ордена св. Андрея Первозванного. Впервые в церемонии участвовала императрица мать - Мария Федоровна. Балдахин, украшенный эмблемами киевской, владимирской. казанской, астраханской, сибирской и таврической, символизировал основные царства Российской империи. В честь коронации было написано 38 хвалебных стихотворений, в том числе Н.М. Карамзиньм, М.М. Херасковьм, митрополитом Платоном (Макаров М.Н. С. 55, 66, 67, 90).

"Полубог" уже во время коронации недвусмысленно дал понять, что возвращается к традициям Екатерины II. На его медали 15 сентября 1805 г. работы К. Леберехта был изображен "столп" с канелюрами, увенчанный короной и с надписью "закон", в верхней части располагалась надпись: "Залог блаженства всех и каждого" (КС. Т. 1. С. 103; Чепурнов. Т. II. С. 77. в 165). Таким образом, внук Екатерины II восстановил в несколько модифицированной форме символ и девиз депутатского знака членов Уложенной комиссии 1766 года. На этом знаке над трапециевидной каменной башней, увенчанной короной, был вырезан девиз: "Блаженство каждого и всех" (Лукомский В.К. 1913 - 1. С. 173 - 174; Чепурнов. Т. I. С. 38. в 70).

Увы, Комиссия для сочинения проекта нового Уложения своей миссии не выполнила. Страна должна была и впредь жить по Уложению 1649 года. До создания нового закона дело не дошло ни при Екатерине Великой, ни при ее внучке, ни при прапраправнучке... Справедливости ради нужно сказать, что и современник Александра I - виднейший теоретик декабризма Пестель в своей "Русской Правде", пронизанной идеями национальной исключительности русских, не сумел изложить программы блаженства каждого и всех... Не говоря уж о том, чтобы достичь его...

Более удачно сложилась судьба знака членов Уложенной комиссии, вернее, изображенного на нем "столпа закона". После реформы 1864 года он стал эмблемой судебной власти - волостных судей, приставов (Мельник, Можейко. в 3003, 3003а, 3006, 3007. 1864 г.; Бойнович... С. 15, 60, 83. 1876, 1908, 1914 гг.).

В конце XVIII - начале XIX века началась совершенно особая "жизнь" двуглавого орла. Эту фантастическую птицу стали изображать на самых обычных предметах быта - деревянных гребнях, вышитых полотенцах и т.д. (Саркисова. в 11. Рис. 5). И.Я. Билибин объяснял это эстетическими привязанностями деревенских баб. Думается, причина иная. К началу XIX века и особенно после Отечественной войны 1812 года российская имперская эмблема нашла отклик в душе народа, стала олицетворением того Отечества, на защиту которого он поднялся так самоотверженно и единодушно.

Марки российско-американской компании

Вид государственного герба при Александре 1 в некоторой степени изменился. Присоединение герцогства Финляндского в 1809 году (а соответственно пополнение титула словами "великий герцог финляндский") привело

к появлению в гербе новой эмблемы (утверждена 26 октября 1809 г.) – лев на сабле с мечом в правой передней лапе (Винклер. 1900. в XXI) и новой золотой короны с двумя дугами, украшенными жемчугом, и двумя государственными орлами, увенчанной "яблоком" с алмазным крестом (Винклер. 1900. С. 40). Такой короны в действительности не существовало, были лишь ее геральдические описание и изображение. Иным стал и общий облик государственного орла. Вместо вытянутого по вертикали появился стилизованный ампирный орел с широко распростертыми по горизонтали крыльями. Похожий орел, правда, без символов власти помещен на знаке масонской ложи Орла Российского в начале XIX века. У масонов орел означал дух устремлений и царственности вольнокаменщикского искусства, а сопровождавшее его Всевидящее око – образ божества, великого архитектора вселенной (Лотарева. С. 86 – 87, 66). В лапах же государственного орла начала XIX века скипетр и державу сменили совсем другие предметы – то пучок стрел, то факел, то лавровый венок (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. в 71. Л. 2) и т.д.

Действительно, у двуглавого орла, растянутого по горизонтали на ширину опущенных вниз крыльев, имеются отчетливые приметы ампирного стиля: лавровый венок и лента в левой лапе и пучок стрел ("двойной перун"), факел, горящий с двух концов, или лента – в правой. Такой орел встречается на золотых монетах с 1817 по 1831 год, на серебряных – с 1826 по 1831 год и медных – в 1827 году и с 1830 по 1839 год (Уздеников. 1985. С. 429). И на гербе, и на его воспроизведении на монетах у орла новое расположение распростертых крыльев. Ампирный орел укра-

шает знамена тех полков, которые особо отличились во время Отечественной войны 1812 года. Новый облик орла вызывал особое беспокойство Филарета. В послании министру императорского двора графу В.Ф. Адлербергу от 23 февраля 1856 г. он писал: Орел "не с поднятыми выспрь крыльями, а с простертыми горизонтально и несколько наклоненными по подобию французского" – свидетельство того, что "Россия уже не возвышается, но опускает крылья" (Белавенец. 1915. С. 63 – 64). Думается, волнение Филарета в 1856 году было оправданным. Крымская война тому доказательство. Однако в первую четверть XIX века о государственном достоинстве Империи и императора тревожиться не стоило. Золотые 10 и 15-рублевые монеты 1802 – 1805 годов прославляли его как императора: двуглавый орел был окружен эмблемами Москвы, царств Казанского, Астраханского и Сибирского.

Под скипетром Александра I Российская империя продвинулась далеко на запад, а его брат Николай I оказался единственным императором, который короновался дважды. Первый раз победитель декабристов, прославляемый как "успокоитель отечества", милостиво подставил свою голову под корону 21 июля 1826 г. Церемонию своего венчания он дополнил 85 пушечными выстрелами, раздавшимися при его входе в Успенский собор. Впрочем, Николай I не только "пугал", но и ублажал своих верноподданных. 16 сентября 1826 г. был устроен праздник, но не на Сокольническом поле, как при венчании Александра I, а на Девичьем, с каруселями, качелями, неизменным угощением и галереями для привилегированной публики. Приращение титула Николая I за счет "области Армейские" в 1828 году обошлось без особых торжеств.

А вторая коронация Николая I, в качестве польского короля, состоялась 12 мая 1829 г., спустя 34, 36 и 57 лет после первого, второго и третьего разделов Польши, спустя 15 лет после образования Царства Польского в составе Российской империи. Однако русскую и польскую общественность уже за полтора века до этого стали готовить к мысли о неизбежности объединения их стран. Об идеях Симеона Полоцкого, надеюсь, читатели еще не забыли. Рассказ о том, как в массовом сознании формировалась русская и имперская мысль по поводу Польши, можно дополнить сведениями о фейерверке 28 апреля 1736 г. На

гравюре тогдашнего художника Ивана Адольского представлено, как Польша, изображенная виде женщины, кланяется российской короне, а дерево с польским орлом обнимают с одной стороны Российская империя, а с другой - "польская вольность" (тоже дамы) (Ровинский. С. 214). Последней, однако, не суждено было надолго сохранить свободу.

Вторая коронация Николая I закрепила мысль "царя польского" и "князя белостокского" Александра I, высказанную им на польском сейме 15 мая 1818 г.: "Существование Ваше (т.е. Польши) неразрывно соединено с жребием России". Впрочем, она же опровергла другую мысль Александра I - о "законно-свободных учреждениях", которые управляли Польшей. Таких отныне не существовало. Польская государственная печать с белым одноглавым орлом еще раньше, вероятно, в 1795 году, перекочевала в Россию (РГАДА. Ф. 136. Оп. 1. ь 81). Коронай Царства Польского послужила корона Елизаветы Петровны, переделанная из короны Петра II и Анны Иоанновны. В кафедральном соборе Варшавы, куда принесли регалии, в том числе и корону, были установлены три щита с польскими орлами, примас (глава белого духовенства) их освятил. Церемония продолжалась во дворце. После чтения молитвы примас провозгласил Николая I польским королем, поднес ему корону, которую тот сам надел на голову, порфиру, скипетр и державу. Николай же в свою очередь одел на императрицу цепь ордена Белого орла и корону. Возглас примаса "Vivat rex in aeternum!" ("Да здравствует вечно король!") повис в полной тишине...

Ни памятных медалей, ни жетонов по случаю своей второй коронации Николай I изготовить не решился. Выпущенные же по случаю первой коронации медали просто повторяли медали Александра I (Воспоминания Колзакова. С. 450 - 452, 612, 614; КС. Т. 1. С. 105, 112). А еще через два с половиной года после подавления польского восстания он раздавал наградные медали "За взятие приступом Варшавы 25 и 26 августа 1831 года", на лицевой стороне которых с легендой "Польза, честь и слава" в грудном щитке двуглавого орла находился польский одноглавый орел (Чепурнов. Т. III. С. 167 - 168. ь 383 - 388).

Стоит коснуться истории тех регалий, которые участвова-

ли в польской коронации. Корона, как уже упоминалось, была приспособлена по случаю. С гербом дело обстояло иначе. Королевство Польское издавна имело герб – это был одноглавый белый орел, очень древнего происхождения. Герб был известен уже в XII веке, когда им украшали монеты и печати различные польские государи. При Владиславе Локетке и Казимире Великом белый одноглавый орел (в анфас) стал эмблемой Польского королевства. В 1705 году, почти за сто лет до исчезновения Речи Посполитой, был учрежден орден Белого орла. В Российской империи он стал символом патриотических настроений поляков. На монетах польского восстания 1831 года печатали одноглавого орла и погоню (Уздеников. 1995. С. 113. в 41 – 44). Белого орла приняло как свой знак Польское демократическое товарищество, созданное в 1832 году (т.е. через три года после коронации Николая I) за пределами страны. Под знаменами с белым орлом сражались повстанцы в Кракове в 1846 году и некоторые отряды восставших в 1863 и 1864 годах. Поляки и позднее сохранили верность белому орлу. Согласно указу 1832 года, гербы Царства Польского, Царства Херсонеса Таврического и Великого княжества Финляндского заняли места Владимирского, Новгородского, Киевского Великих княжеств на крыльях двуглавого орла в государственном гербе.

Государственный герб при Николае I претерпел и другие изменения. Хоругвь с орлом, возвышавшаяся над короной – нашламником, заменила знамена. Николай же I ввел и девиз на шлеме: "С нами Богъ". Иным стало и положение крыльев архангелов. Место высоко поднятых и узких крыльев заняли так сильно раскрытые, что внешние их края выходили за пределы сени, а на внутренние концы опирался шлем. 15 сентября 1832 г. был утвержден герб с пятью царскими (казанской, астраханской, сибирской, польской, Херсонеса Таврического) и одной великокняжеской (финляндской) коронами над гербами на крыльях орла (СОЗРИ. Т. I. Ч. 1. Ст. 39). Такое же расположение этих корон и на большой государственной печати, где вокруг щита были помещены гербы провинций и областей. Так же как и на гербе, были высоко подняты крылья орла на золотых и серебряных монетах выпуска 1832 – 1858 годов, на медных монетах 1849 – 1858 годов. Цепь ордена св. Андрея Первозванного окружала щиток с московским

гербом. Однако на медных монетах и пробных рублях и полтинах 1845 года (две последние категории работы резчика Якоба Рейхеля) сохранились гербы Великих княжеств Новгородского, Киевского, Владимирского, царств Казанского, Астраханского и Сибирского, а на золотых, платиновых и серебряных монетах, а также монетах для Польши 1835 – 1841 годов помещались гербы царств Казанского, Астраханского, Сибирского, Польского, Херсонеса Таврического и Великого княжества Финляндского (Уздеников. 1985. С. 429). Новгородская, киевская, владимирская эмблемы наряду с московской в 1838 – 1850 годах украсили Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца в Москве. Титульные же гербы были размещены в Престольной палате Теремного дворца.

Таким образом, история двуглавого орла на протяжении 30 – 40-х годов XIX века, казалось бы, не давала никаких оснований для опасений за его судьбу. И московский митрополит Филарет (Дроздов) мог спокойно писать:

"Приятно сыну отечества, смотря на государственного двуглавого орла, думать, что это есть знамение православной державы греческой..." Однако его раздражали постоянные изменения столь почитаемой им эмблемы. Он утверждал: "Государственный герб должен быть постоянен". И, доказывая эту мысль, Филарет задавал вопрос: "Настоят ли действительная потребность и благовременность предпринимать изменения в государственном гербе?" (Беливенец. 1915. С. 64).

Недоумение у него возникло в 1857 году в связи с коренной реформой герба. В начале 50-х годов была преобразована Герольдия, она стала департаментом Сената. В конце правления Николая I была задумана новая реформа гербов, но при нем она не была осуществлена. Трагический конец его бесславного правления пришелся на время принесшей позор России Крымской войны. 19 января 1855 г. на трон вступил Александр II, но коронацию свою он отложил до окончания войны. Церемония состоялась лишь 26 августа 1856 г., спустя пять месяцев по заключении мира. В передовой статье в этот день "Санкт-Петербургские ведомости" писали: "Ныне венчается... царь-мироворец, царь – отец своих подданных".

Как всегда, церемония проходила в Успенском соборе Московского Кремля. На возвышении были установлены три

престола: "костяной стул", как тогда считалось, Ивана III – для самого Александра, трон Михаила Федоровича – для императрицы и трон Алексея Михайловича для вдовствующей императрицы. На этот раз император короновался сразу на "прародительский наследственный всероссийский престол и нераздельные (так! – А.Х.) с ним престолы Царства Польского и Великого княжества Финляндского" (Коронование... С. 47). Отметим, что оба последних приращения изменили свой статус: королевство превратилось в царство, а герцогство – в княжество.

В условиях только что окончившейся Крымской войны большой натяжкой, если не сказать больше, звучали панегирики императору – "светило упования" (М.А. Дмитриев), "труженик державный" (Ф.Б. Миллер) – и самой коронации: "Венец на главе государя есть слава и радость русского народа" (С.П. Шевырев). Однако панегиристы вполне уверенно могли утверждать, что это событие касалось всех народов империи:

*От Перми до Тавриды
От финских хладных скал
До пламенной Колхиды
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая.
(Коронование... С. 56).*

Не ясно, впрочем, почему Кремль оказался "потрясенным". Это ждало его лишь в будущем...

Коронация, как всегда, сопровождалась торжественным обедом, во время которого императрица в Грановитой палате раздавала коронационные медали и жетоны. Медаль (лицевая сторона резчика В. Алексеева и оборотная – Р. Ганнеманна) имела девиз: "С нами Богъ" (КС. Т. 1. С. 117). Представители сословий преподнесли Александру II в подарок 81 блюдо. Народный же праздник на Ходынском поле, устроенный 8 сентября с необычайной пышностью (16 фонтанов били вином, были накрыты 624 стола с яствами), не удался (Жмакин. Т. 38. С. 20).

К коронации спешили не только с устройством народного праздника, но и с новой редакцией государственного герба. Но об этом знаменательном событии следует рассказать особо.

Государственные гербы 1857 и 1882 годов

Важное поручение – создание нового рисунка герба, а вместе с ним и трех видов государственной печати

(большой, средней и малой) было дано выходцу из Берлина Бернгардту Кёне (в России, где он появился в 1845 году, – Борису Васильевичу). Автор нового рисунка герба – личность примечательная, вызывавшая отнюдь не адекватную реакцию у своих современников и историков. Закончив курс по археологии в Берлине и Лейпциге, он в дальнейшем подвизался в основном как нумизмат, член Берлинского нумизматического общества, да и в Петербурге он выступил одним из соучредителей Археолого-нумизматического общества в мае 1846 года. В это же время энергичный молодой ученый, ему было 28 лет, становится помощником начальника Первого отделения Эрмитажа по части антиков и Минц-кабинета, затем, в 1850 году, переводится во Второе отделение.

Плодовитость Кёне поразительна, равно как и диапазон занятий – от ассиро-вавилонской нумизматики до русской. Он писал с необыкновенной легкостью, не утруждая себя ни долгим сбором материалов, ни долгими размышлениями по поводу них. Скандальную известность Бернгардт Кёне получил, когда прочитал на одной из древнейших русских монет надпись "Ярославле серебро" как греческую. Шум в научной среде не повредил его карьере.

В 39 лет берлинско-петербургскому светиле поручено было заняться разработкой нового рисунка государственного герба, а в 1857 году при поддержке обер-гофмаршала графа Шувалова и министра Двора графа В.Ф. Адлерберга он стал управляющим Гербовым отделением Департамента герольдии. Немецкий барон еврейского происхождения, российский тайный советник удостоился чести быть воспетым в стихах, распространенных в ученой петербургской среде:

*Различных государств кресты
На шее у него болтались
Развешанные в три ряды.
Тут было все: медали, знаки
И даже, наконец, звезда
Персидской бешеной собаки...
Как прирожденный паразит*

На все чужое очень падкий
Он в этом сонмище стоит
Томим стяжанья лихорадкой.
Берлинский партикулярист,
Шпион по иностранной части,
Как самозванный геральдист
Добился он на службе власти.
(Спасский. 1970. С. 154).

Кёне не стоил бы столь пристального внимания, если бы не выступил в качестве автора рисунка государственного герба и флага 50-х годов XIX века, стиль которых несет отпечаток его личности. Кёне, входивший в Особый комитет по созданию герба, потрудился на славу. Он "одел" все старые, частью восходящие к XVI веку, а частью возникшие позднее эмблемы в геральдические формы и скомпановал их, как говорили историографы начала XX века, по прусскому образцу (не был забыт и французский пример) (Белавенец. 1915. С. 67), в эклектическое нагромождение щитов, ампирных аксессуаров, псевдорусских шлемов и собственного небрежения. Впрочем, нужно признать, что задача перед Кёне стояла не из легких. Он должен был в геральдических формах найти воплощение всем оттенкам титулатуры всероссийского самодержца. Попробуйте дочитать титул Александра II до конца, и вы сами поймете трудности геральдиста. Вот он: "Божиею споспешествующею милостию мы, Александр II, император и самодержец всероссийский, московский, киевский, владимирский, новгородский, царь казанский, царь астраханский, царь польский, царь Херсониса Таврического, царь грузинский, государь псковский и великий князь смоленский, литовский, волынский, подольский и финляндский, князь эстляндский, лифляндский, курляндский и семигальский, самогитский, белостокский, корельский, тверский, югорский, пермский, вятский, государь и великий князь Новгорода Низовские земли, черниговский, рязанский, полотский, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, обдорский, кондийский, витебский, Мстиславский и всея Северныя страны повелитель, и государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския, черкасских и горских князей и иных наследный государь и обладатель, наследник норвежский, герцог

(курсив мой. – А.Х.) шлезвиг-голстинский, стормарнский, дитмарсенский и ольденбургский и проч. и проч.". Таким образом, Александр II, как и его отец, един во многих лицах (они выделены в титуле) на 50 различных по величине и политическому статусу в пределах Российской империи территориях. И все это должно было быть воплощено в государственном гербе, который, по словам митрополита Филарета, "образован был... по государственным идеям" (Белавенец. 1915. С. 62).

Кёне взял за образец большую государственную печать Ивана Грозного и восстановил исторический принцип региональности: вокруг центральной эмблемы он расположил областные в соответствии с существовавшим административным делением на момент вхождения той или иной территории в состав Русского государства или Российской империи. Неизменной осталась эта центральная эмблема – двуглавый орел под тремя коронами – одной большой имперской и двумя маленькими на головах орла.

Правда, с самим изображением орла радители русское – ти не могли смириться и спустя более полстолетия. П.И. Белавенец писал, что Кёне представил орла "с ошпаннными крыльями и тощим хвостом" и дал "отчаянное растрепанное изображение русской государственной эмблемы" (Белавенец. 1915. С. 67). Так ли это, читатель может убедиться сам (изображение орла см.: ПСЗРИ–1. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. Прилож. к ь 31720). На груди орла по-прежнему находился всадник, поражающий дракона, только повернут он был в другую сторону, что не свойственно было всем его предшествующим изображениям. Теперь его толковали как "символ православной державы, победоносной над злом" (созвучно с этим высказывание Ф.И. Тютчева 1848 года о России как "прежде всего христианской империи") (Белавенец. 1915. С. 62; Тютчев. С. 295).

В описании герба читаем прежнее толкование: "На груди орла герб московский; в червленом с золотыми краями щите святой великомученик и победоносец Георгий в серебряном вооружении и лазуревой приволоке (мантии) на серебряном, покрытом багряною тканью с золотою бахромою коне, поражающий золотого с зелеными крыльями дракона золотым с осьмиконечным наверху копьем".

Двуглавого орла Кёне расположил на геральдическом

шите, а в качестве щитодержателей изобразил архангелов Михаила и Гавриила с мечом и крестом. Использование архангелов в таком качестве вызвало резкий протест митрополита Филарета. В письме Адлербергу он писал 7 февраля 1856 г.: "Будет ли спокойно благочестивое чувство православных, если увидят их (архангелов. - А.Х.) низведенными к тому, чтобы держать государственный герб, предмет величайшей важности в государственном отношении, который, однако, не есть знамение Божие или святых". Он предлагал другие "кандидатуры" на должность щитодержателей - либо воинов в одеждах эпохи св. Владимира и Петра, либо государей - Ивана III и Петра Великого, хотя и полагал, что князей, как сам Владимир или сам Александр Невский, помещать на герб не следовало бы. Однако с мнением авторитетного церковного иерарха не посчитались. На страже символа русской государственности в качестве щитодержателей остались главы небесного воинства. Впрочем, своей миссии или миссии, возлагавшейся на них императорским двором, они, как показали события XX века, не выполнили. Прав был Филарет, протестовавший против изображения архангелов в качестве престолодержателей.

Щит, увенчанный шлемом великого князя Александра Невского, вместе с щитодержателями был расположен на мантии - черном с золотом намете, ниспадавшем из-под сени, увенчанной императорской короной. На сени, шлеме и хоругви расположен девиз: "С нами Бог". Так воплощены слова о "Божией споспешствующей милости"...

Над сенью поднимается хоругвь, на которой повторяется центральный символ: корона, мантия, архангелы, геральдический щит с двуглавым и трехкоронным орлом со всадником, поражающим змея, в грудном щитке. Завершается хоругвь православным восьмиконечным крестом и двуглавым орлом. В герб не вошел такой символ царской власти, как шапка Мономаха, в отличие от скипетра, "яблока", цепи и знака ордена св. Андрея Первозванного, хотя они появились позже барм и шапки. Шапку Мономаха включили в герб государства, которое они надеялись создать, только эмигранты первой послереволюционной волны.

Титульные гербы были расположены на Андреевской ленте вокруг центральной эмблемы.

Эмблемы различных территорий в соответствии с тем

значением, которое им придавалось во внутренней и внешней политике России середины XIX века, и соответственно рангу государя на той или иной территории были расположены тремя порядками: часть их находится справа и слева от сени, часть – окружает всю вышеописанную композицию, а часть размещена по горизонтали на уровне шлема Александра Невского. Центральные места заняли две старинные эмблемы – царя казанского и царя астраханского, появившиеся еще при Иване Грозном. Остальные "царские" эмблемы расположены были по окружности. Это эмблема Царства Сибирского, Царства Польского, Херсониса Таврического (двуглавый орел под двумя коронами) и Грузии. Наряду с ними в той же окружности заняли свои места и эмблемы Киева, Владимира Волынского, Новгорода и Финляндии.

В соответствии с положением государя императора в этих землях все эмблемы имеют разные "головные уборы". На казанской и астраханской эмблемах воспроизведены "венцы" этих царств, напоминающие шапку Мономаха, но с деталями, придающими им значение царской короны:

"городками" – на казанской, вертикальными "столбиками" – на астраханской. Сибирская шапка завершается крестом и имеет две такие же вертикали, херсонская и киевская в виде навершия имеют просто кресты. Четыре геральдических щита снабжены коронами: императорская находится на польском, корона с крестом – на финляндском, грузинском и родовом гербе Романовых.

Этот последний, тоже творение Кёне, утвержденный 8 декабря 1856 г., приобрел к середине XIX века очень сложную форму (ПСЗРИ–1. Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. ь 31720). Щит рассечен по вертикали. В правой половине родовая эмблема Романовых: "В серебряном поле червлёный гриф с золотым мечом и тарчем (круглым щитом с острым клинком или вырезом для руки в центре. – А.Х.), на черной кайме 8 оторванных львиных голов" (ср.: Лукомский В. К. 1913 –2. С. 111).

Родовой герб Романовых

Грифон (полуорел-полулев) стал семейным гербом Романовых в память побед, одержанных Никитой Романовичем Юрьевым в Ливонии. Ему в 1575 году удалось захватить г. Пярну (Пернав), где в 1572 году начали чеканить монеты с грифом для выплаты жалованья польскому гарнизону. Однако Романовы в XIX веке усвоили герб с обратными по сравнению с прапором своего предка цветами: на гербе 1856 года красный грифон на серебряном поле.

Некоторые элементы этого родового знака известны с XVI – XVII веков. На прапоре белой тафты Никиты Ивановича Романова (двоюродного брата царя Алексея), как значится в переписной книге Оружейной палаты 1687 года, был изображен гриф, в левой лапе держащий клеймо, над которым был черный орлич (Таубе. 1913). На опушке прапора были изображены головы львов.

В левой половине родового герба Романовых 1857 года – пять частей, да еще в середине малый щит с великогерцогской короной. В этом малом щите эмблемы:

справа – ольденбургская (на золотом поле два червлених пояса), слева – дельменгорская (золотой крест в лазоревом поле). В первой части левой половины помещены норвежский герб (коронованный лев), во второй – шлезвигский (два леопардных льва), в третьей – голштинский (малый щит с листом крапивы и три серебряных гвоздя) и в четвертой – стормарнский (серебряный лебедь с черными лапами и золотой короной), в оконечности – дитмарсенская эмблема (всадник на серебряном коне) (ср.: Воронеж. 1898. С. 32).

Шлезвигская и голштинская эмблемы государственного герба России восходят к XVIII веку, вернее, к 1725 го-

ду, когда состоялся брак дочери Ивана V Анны с КарломФридрихом, герцогом шлезвиг-готторпским. Отцовский титул унаследовали Петр III, царствовавший в 1761 - 1762 годах, а затем и его сын Павел.

Мало того, что Кёне вынужден был строго соблюдать ранговость территорий, подвластных императору и все-российскому самодержцу (особое место занял родовой герб Романовых, помещенный прямо под хвостом орла), он вынужден был совмещать эмблемы различных областей на одном геральдическом щите или щитке. Это в первую очередь касалось тех земель, обладание которыми потеряло к тому времени политическую, и внешнеполитическую в том числе, актуальность. Так оказались совмещенными волынская (крест), подольская (крест и солнце), черниговская (одноглавый орел, обращенный направо, и крест) эмблемы. На одном щитке поместились эстляндская (три льва), лифляндская (стоящий грифон с мечом в правой лапе и надписью на груди: "ИВПВ" - "Императорское величество Петр Великий"), соединенная курляндскоземгальская (коронованные грифоны и олени, расположенные парами по диагонали) и, наконец, карельская (поручи с мечами и короной над ними) эмблемы. Совмещены на одном щитке и все кавказские: грузинская и иверская (белый конь), карталинская (шатер, пронзенный стрелами), кабардинская (полумесяц на внутреннем щитке с перекрещенными стрелами в окружении трех шестиконечных звезд), черкасских и горских князей (скачущий всадник с поднятым горизонтально копьём), армянская (стоящий коронованный лев).

Эмблемы русского севера заняли один щит, состоящий из пяти частей: вятская, болгарская, пермская (медведь с Евангелием и крестом на спине), обдорская (куница с поднятым хвостом), кондинская (полуобнаженный человек с дубинкой). Югорская же эмблема (две руки, выходящие из облака, с перекрещенными копьями) оказалась на другом щите из девяти частей в соседстве с ростовской (олень с поднятыми рогами), рязанской (стрелец в шапке и епанче до колен с поднятыми руками - правой с мечом и левой с ножнами), смоленской (пушка с птицей), псковской (барс с указующей из облака или благословляющей рукой), тверской ("место" с шапкой), ярославской (стоящий медведь с копьём и секирой), нижегородской (олень ветвис-

тыми рогами) и, наконец, белозерской эмблемами.

Три герба помещены на одном щите (полоцкая и витебская, представленные всадниками, и мстиславская – куница с хвостом между ног, обернувшаяся назад). Самостоятельное до 1569 года Великое княжество Литовское представлено щитом с четырьмя эмблемами (литовской "погоней", "самогитским" – земгальским стоящим медведем, польским белым орлом и всадником, распластавшимся в беге).

В целом в государственный герб вошли 22 герба губерний в том виде, в котором они были утверждены 11 апреля 1857 г. и введены указом от 4 июля 1857 г. (ПСЗРИ-П. Т. 32. Отд. I. СПб., 1858. в 31720, 32037). Все они были переработаны Кёне в соответствии с существовавшими тогда геральдическими правилами и с учетом их древних – XVI–XVII веков – изображений, как пояснил сам Кёне. Кое-что из титула осталось не воплощенным в зримых формах. Это касается слов "всея Северныя страны повелитель".

В этом нагромождении эмблем отчетливо прослеживается прежде всего идея богоизбранности императора. Хоругвь увенчана восьмиконечным русским крестом – символом православия, архангелы и надписи настойчиво внушают идею неразрывности самодержавного государства и церкви. Всеобъемлющее господство главы Российской империи увековечено в эмблемах государственного герба.

Одновременно с большим государственным гербом были созданы средний и малый гербы (в среднем отсутствуют некоронованные геральдические щиты, в малом оставлено лишь центральное изображение двуглавого орла).

Гербы членов императорской фамилии, высочайше утвержденные 8 декабря 1856 г., различались деталями. На гербах братьев императора – Константина, Михаила и Николая – в качестве щитодержателей выступают воины, у представителей императорской фамилии нисходящей линии – внуков, правнуков, равно как и внучек и правнучек, – единороги. Последних на гербах праправнучек сменили грифоны.

Одновременно с модификацией государственного герба была предпринята и реформа областных эмблем.

С 1858 года императорская корона должна была помещаться на гербах столиц – Петербурга и Москвы и губернских го-

родов, шапка Мономаха – на гербах Киева, Новгорода и Твери, золотая башенная корона "о 5 зубцах" – на гербах губернских городов с населением свыше 50 тысяч человек (как, например, Одесса, Рига, Саратов); то же изображение, дополненное орлом, должно было выделять города-крепости таких же размеров, как предыдущие. Золотая башенная корона "о 3 зубцах" должна была стать принадлежностью герба остальных губернских городов, а с орлом – таких же городов-крепостей. Серебряная трехзубцовая корона служила отличительным признаком гербов уездных городов, а с орлом – уездных городов-крепостей. "Червленная" – красная трехзубцовая корона вошла в герб заштатных городов, соответственно с орлом – заштатных городов-крепостей. Посадскому же гербу досталась червленная башенная корона "о 2 зубцах". Таким образом, была установлена строгая иерархия городов, которые отныне в свой герб могли помещать изображения орла и схематичной короны.

Великие реформы 60-х годов, и в особенности судебная 1863 года, значительно расширили сферу применения государственного герба. Знаки многих вновь учрежденных должностей (знаки мирового посредника с изображением герба на лицевой стороне и надписью "мировой посредник" и на обороте: "19 февраля 1861 г.", мирового и городского судей, неперменного члена уездного по крестьянским делам присутствия, земского начальника, санктпетербургского губернского прокурора и многих других) несли на себе изображение двуглавого орла. Разумеется, как и печати всех официальных учреждений и знаки высших учебных заведений самого разного профиля – Николаевской и Геодезической академий генштаба, Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерной

с 1866 года, Академии художеств с 1877 года, Историко-Филологического института, Демидовского юридического лицея, Лазаревского института восточных языков, СанктПетербургского археологического института с 1900 года. Двуглавый орел венчал знаки и членов различных императорских обществ – Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты с 1875 года, Общества ревнителей истории с 1915 года и др., и отличительные знаки различных рабочих и служащих – Военно-рабочих рот Водного пути сообщения с 1863 года, гос-

питательных и палатных надзирателей с 1869 года, заведующих военно-конскими участками с 1897 года и т.д. (ПСЗРИ-П. Т. 36. СПб., 1863. ь 37068, 37174; Т. 54. ь 59185; ПСЗРИ-Ш. Т. 9. СПб., 1891. ь 6336; Соболева. 1981. С. 144; Бойнович... С. 3 - 6, 8 - 9, 12 - 15, 23, 26, 30, 35, 45, 47, 48, 59, 76; Мельник, Можейко. ь 1002, 1003, 1011, 1012, 2001, 2012, 2015, 2017 и др.).

Герб вошел в повседневную жизнь России и в другом виде - на денежных знаках и банкнотах. В декабре 1857 года начался выпуск почтовых марок с изображением герба и указанием номинала. Такие марки выпускались вплоть до революции 1917 года, неся в массы "идею самодержавия" (Давыдов. С. 72).

Герб 50-х годов был заново перерисован академиком А. Шарлеманем и утвержден императором Александром III 24 июля 1882 г., а средний и малый - 23 февраля 1883 г. (ПСЗРИ-И. Т. 3. СПб., 1886. ь 1402). "Герб империи", как он назван в приложении к царскому указу (ПСЗРИ-Ш. Т. 2. СПб., 1886. ь 1035, 1159), в целом повторил герб Кёне. Стала более пышной мантия, спускавшаяся волнами из-под шлема, на ее лицевой стороне появились маленькие двуглавые орлята. Более воинственную позу приняли архангелы, в частности Гавриил. Его "волнистокривой" (может быть, огненный) меч поднят на плечо (в старом гербе прямой и опущен вниз). Не ясно, под чьим влиянием изменил свою форму меч. "Пламенеющий" меч с волнистым клинком вдохновлял масонов на защиту ордена, олицетворя Божий промысел (Лотарева. С. 98). Орел изображен с более густым оперением на крыльях. Иначе расположены и областные эмблемы. Горизонтальный ряд геральдических щитов вошел в общий круг, равно как и эмблемы Казанского и Астраханского царств. Щитки с царскими эмблемами на этот раз размещены на венке из дубовых (слева) и лавровых (справа) листьев. Очевидно, дубовые были введены из истинного патриотизма, ибо лавр рос далеко не на всех территориях Российской империи. В целом по стилю герб 1882 года немногим отличается от творения Кёне. Та же безвкусица, нагромождение орлов, орликов и орлят (их не менее 35), крестов и крестиков (их больше дюжины), лент и воланов, кистей и завитушек.

Чтобы освободить место для новой эмблемы - туркестанского единорога с червленными глазами, языком и рогом

- и тем самым закрепить в гербе новое приращение территории империи в Средней Азии, эмблемы белорусских и литовских земель были стянуты на один щит: это вполне соответствовало общим установкам официальной историографии, считавшей все эти земли просто западнорусским краем, а отнюдь не Белоруссией и Литвой (СЗРИ. Т. 1. Ч. I. Спб., 1892. С. 41-45).

Создание нового рисунка герба предшествовало коронации предпоследнего русского царя Александра III, состоявшейся 15 мая 1883 г. А за четыре дня до этого, 11 мая 1883 г., в Тронном зале Оружейной палаты было освящено новое государственное знамя, выдержанное в черном, золотом и серебряном тонах (Священное коронование... С. 30 - 34). На самой же коронации, равно как и на последней - Николая II в 1896 году, знамя наряду с другими государственными регалиями - государственным мечом, большой алмазной цепью ордена св. Андрея Первозванного, порфирой императрицы и императора, большой и малой императорскими коронами, державой и скипетром - участвовало в длинной церемонии. Коронацию Александра III совершил петербургский митрополит Палладий (Священное коронование... С. 7, 37, 43; Георгиевский. 1896. С. 196, 204). Именно тогда царь впервые был назван государем туркестанским, хотя эмблема Туркестана была включена в герб еще в 1882 году. "Царствуй на славу нам" - призывали транспаранты в столице. Александр III, не торопясь менять "видимый образ данного... от Вышняго над людьми своими самодержавия к управлению их и ко устроению... благополучия", поспешил доказать "единство и единение церкви с государством". Через 11 дней после коронации был освящен храм Христа Спасителя. На коронационных медалях, где сообщалось, что "император Александр III и императрица Мария Федоровна коронованы в Москве в 1883 г.", снова, как заклинание, было выбито: "С нами Богъ". Преемственность императорской власти от древнейших русских князей должно было доказывать оформление праздников, следовавших за коронацией. Так, на обложке меню обеда 15 мая 1883 г. был изображен пир у Владимира Святого (мастерски нарисованный В.Д. Поленовым).

Значение герба и принадлежность его императору были закреплены в разделе I Основных государственных законов

"О священных правах и преимуществах верховной самодержавной власти". В них же содержалось и его описание:

"Российский государственный герб есть в золотом щите черный двоеглавый орел, коронованный двумя императорскими коронами, над которыми третья такая же, в большем виде, корона с двумя развевающимися концами ленты орденна святого апостола Андрея Первозванного. Государственный орел держит золотой скипетр и державу. На груди орла герб московский: в червленом... с золотыми краями щите святой Великомученик и Победоносец Георгий... на... коне, поражающий... дракона золотым... копьём" (СЗРИ. Т. I. Ч. 1. СПб., 1892. С. 41. Приложение I. ¹ 1).

После 1883 года государственный герб уже не претерпевал никаких изменений вплоть до 1917 года. Неизменным оставался он и на общегосударственных монетах 1859 – 1917 годов. Святой Георгий Победоносец повернут влево, окружен цепью ордена св. Андрея Первозванного. Все три короны соединены лентами. На крыльях орла восемь местных гербов: царств Казанского, Польского, Херсонеса Таврического, объединенный герб Великих княжеств Киевского, Новгородского, Владимирского, а также царств Астраханского, Сибирского, Грузинского, Великого княжества Финляндского. На мемориальном рубле Отечественной войны 1812 года, в память ее столетия, вокруг государственного герба с московским всадником на щитке и цепью Андреевского ордена на плечах орла вновь возникли порознь гербы Великих княжеств Киевского, Новгородского, Владимирского и только двух царств – Казанского и Астраханского (Уздеников. 1985. С. 429).

Если форма герба оставалась неизменной, то такого же однообразия в его окраске на протяжении второй половины XIX века достичь не удалось, в особенности на тех гербах, которые имели "рекламный" характер. На вывесках орлы могли быть и белыми, и золотыми на белом, красном, синем фоне.

Разнообразие цветов государственного герба можно было увидеть в Москве в 1896 году во время коронации последнего царя из династии Романовых Николая II. Церемония не имела никаких отклонений от обряда венчания 1883 года. Снова служба в церкви, пальба из пушек, пиры и прочие торжества, памятные жетоны с набором корон, го-

сударственных меча и знамени, снова памятные кружки с аналогичными изображениями, которые должны были раздаваться на народном гулянии на Ходынском поле. Только одно омрачило задуманную программу праздников. На Ходынке пролилась кровь тысяч москвичей как знамение грядущих потрясений. Этот поток крови не перегородил царственной чете дорогу ни на концерт на том же поле, ни на бал, состоявшийся в тот же вечер у французского посла; на протяжении царствования Николая II поток принимал в себя все новые и новые ручьи и к 1917 году разлился в реку, которая смела и их самих – последних представителей Романовых на российском престоле.

В истории государственной эмблематики XVIII – XIX веков были столетиями выработки более или менее стабильных форм, причем в их изменениях очень заметно иностранное влияние. Конечно, последнее – отнюдь не специфика именно данных столетий. Но в этот период иностранное влияние тем более очевидно, что оно обнаружилось значительно позднее, нежели существовали образцы, которым следовали русские геральдисты. Если в средние века создание геральдических эмблем происходило почти одновременно на всем протяжении Европы, во всяком случае Восточной, Центральной и Северной, то в Новое и Новейшее время государственные геральдисты России в использовании одних и тех же эмблем намного отставали от своих зарубежных коллег.

История венчаний и коронаций, а вместе с тем и создания государственных регалий показывает, как рос снежный ком претензий на власть, равную императорской, и притязаний на окрестные земли правителей Руси и России, как усложнялась процедура оформления верховной власти, как увеличивались число и роскошь регалий, с помощью которых русские князья и цари поднимали престиж державы. Не случайно "собрание древних государственных регалий России – самое значительное в Европе, коллекция тронов уникальна", – пишет специалист по государственным регалиям Э.П. Чернуха (ГОП. С. 344). Набор этих регалий зависел от ряда обстоятельств, прежде всего от той идеологии, с помощью которой обосновывалась сама власть. В зависимости от легенд, господствовавших в то или иное время, – о происхождении власти русских государей от Византийской или Римской империй,

- создавались и использовались атрибуты верховной власти: шапки, кресты, троны получали значение доказательств законности того или иного титула. При этом происходило совмещение регалий самого разного происхождения. Так, русской православной традицией не было освящено употребление скипетра, и его внедрение в состав полноправных регалий, имевшее длительную предысторию, происходило крайне медленно.

Впрочем, некоторые регалии оставались чистой фикцией. Так, шапки царства Сибирского и царства Таврического обозначали несуществовавшие политические образования, недаром в качестве корон этих царств использовались другие, ранее бывшие в употреблении венцы царей Ивана и Петра Алексеевичей.

Бросаются в глаза и некоторые несообразности в использовании регалий. В качестве царского венца с 1547 по 1682 год использовалась великокняжеская шапка, известная как шапка Мономаха. Венцы других царств - Казанского и Астраханского по форме были очень близки к шапке Мономаха. Были такие же несообразности и в процедурах венчания.

Все эти несообразности легко объяснимы. Процесс оформления верховной власти был живым и постоянно изменяющимся. Князья и великие князья, государи всея Руси и цари, наконец, императоры - вот этапы эволюции государственной власти на Руси и в России на протяжении десяти столетий. Все эти изменения требовали адекватной внешней формы. Однако приверженность к старине - характерная особенность не только русского, но и мирового средневековья - не позволяла предпринимать никакой ломки устоявшихся обычаев. Вот почему они оставались в почти неизменном виде, получая при этом новое содержание.

Стоит отметить еще одну особенность. В процедурах венчания - коронования постоянно увеличивалась роль церкви. И великие князья, и цари, и императоры все больше и больше подчеркивали свою приверженность православию, вводя в регалии элементы, выражавшие эту идею: кресты украшали, и не только украшали, но и символизировали сущность и венцов, и корон, и других инсигний власти - скипетра и державы. Государственные регалии подчеркивали роль государственной церкви - пра-

вославленной, оставляя за бортом все другие конфессии, приверженцами которых была часть населения страны, – мусульманство, католичество, протестантство, иудаизм, язычество.

Лицемерие правящей верхушки было тем сильнее, чем дальше от христианской морали было ее поведение. Преданность православию, о которой заявляла Екатерина II после свержения с престола собственного супруга, конечно, была необходимым элементом ее внутренней политики, равно как и ее внука.

Церковь энергично поддерживала расширение прерогатив власти русских государей; стоит напомнить, что только благодаря Макарию, митрополиту всея Руси, и было осуществлено венчание на царство Ивана Грозного.

Изучение истории венчаний и коронаций и эволюции регалий показывает, как некоторые из знаков власти русских государей превращались в эмблемы государственности.

Орел на первом этапе революции

Революция 1905 – 1907 годов не привела к изменению герба. В ее разгар 10 мая 1905 г. был утвержден большой герб наследника престола – Алексея Николаевича, который в целом повторяет композицию большого государственного герба, но с меньшим числом титульных эмблем – 9 вместо 26 (Лукомский В.К. 1911–1. С. 353). Императорский дом, очевидно, не понимал степеней угрозы династии и жил род знаком надежды Павла I: "... Ожидаем, что наш императорский дом и весь наш род вечно цвести и размножаться будет" (ПСЗРИ–1.Т. 24. Спб., 1830, в 17906. С. 528) "

Иные настроения господствовали в интеллигенции. Для нее революция 1905 года сопровождалась переоценкой герба как символа царской власти. С карикатурами на Царя ("царя Гороха", как это было модно говорить в то время) выступили художники М. В. Добужинский (Чугунов. С. 45) и И.Я. Билибин. В альбоме последнего сохранился набросок 1905 – 1906 годов: "... На фоне слегка намеченных громад движется полноводная людская река, ветер развеивает над ней раскрашенные красным карандашом знамена. А в верхней части вертикально построенной композиции под яркими лучами восходящего солнца гибнет пронзенный стрелой одноглавый орел" {Гдльщец Г.В., Голынец С.В. С.

70-71, 83. Рис. на С. 81).

Выступал Билибин и публично; В журнале "Жупел" в 1905 году была помещена его карикатура "Sic transit" ("Так проходит" - имеется в виду слава мира): царь-петух в горностаевой мантии с кистями и в короне с грустью взирает на жареную курицу на блюде (Жупел. 1905. в 2. С. 5; Липович: С. 29). В этом же журнале были представлены и карикатуры других, художников, в частности З.И. Гржебина: "Орел-оборотень, или политика внешняя и внутренняя": двуглавый орел, на груди которого перья, а горностаевая мантия, на щитке вместо привычного всадника несет медальон "конституция"; маленькие головки увенчаны пародией на короны, а огромные лапы с длинными, похожими на толстых мохнатых гусениц когтями придерживают мантию-крылья (Жупел. 1905. в 1. С. 8). За эту карикатуру, как и за весь журнал, который он редактировал, Гржебин был арестован и полгода провел в тюрьме (Бенуа. Т. 2. С. 699; Билибин. С. 78).

Несомненно, он заслужил наказание. Ведь, кроме названных карикатур, журнал в 3 помещал и другие аналогичные рисунки. Вот еще один: "Осел в 1/20 натуральной величины". В геральдическом барочном щите, вернее, рамке или картуше, стоит понурый осел. Крылатые грифоны и два орло-петуха составляют ему в нижней части рамки фон. Это тоже творение И.Я. Билибина, весьма прозрачно намекавшее на "царя Гороха" (Липович. С. 32 - 33).

"Жупел" отличился еще и серией басен про царя Берендея, иллюстрированных художником, скрывшимся за инициалами Ч.С. (может быть, С. Чехонин?). На одном из рисунков царь, отнюдь не страдающий худобой, в геральдической короне сидит за столом на скамье, подобной тем, что изображены в Лицевом своде XVI века, и отказывается от еды под тем предлогом, что народ голодает. Ситуация была спасена верными слугами: вместо суповой миски и тарелки был принесен зажаренный фазан (Жупел. 1905. в 2. С. 3).

Революция 1905 года послужила прологом к событиям 1917 года. А между ними прошла полоса торжеств, во время которых монархический принцип, казалось, утверждался на века. Трехсотлетие дома Романовых отмечалось в 1913 году. Оно оживило интерес к государственной символике и

ее уже архаическим древностям, в том числе шапке Мономаха. Эта регалия в 1913 году была изображена на медали устроителям первой русской олимпиады в Киеве над гербом города, на юбилейном знаке для священнослужителей (Бойнович... С. 76, 79 и др.). Парадоксальным образом возродилась и мальтийская эмблематика – корона на знаке окончивших Николаевское инженерное училище в 1910 году и крест – на знаке выпускников Пажеского кадетского корпуса и Клинического повивального института в 1902 году (Там же. С. 50, 51, 64). Несколько позднее, в 1916 году, грифон стал эмблемой Романовского комитета. А "Николаевский" вытянутый по горизонтали орел в 1901 году попал на юбилейные медали и знаки к 200-летию Морского кадетского корпуса, 20-летию Тамбовской ученой комиссии в 1904 году, на знаке за 25-летнюю службу на Николаевской железной дороге в 1901 году. В 1911 году такой же орел украсил медаль "Воздушный флот – сила России" (Там же. С. 45, 49, 84, 88). При Императорском обществе поощрения художеств в России возникла Комиссия по изданию "Русской геральдики", в которую входили Н.К. Рерих и И.Я. Билибин. Для одноименной книги В.К. Лукомского и Н.А. Типольта Билибин сделал заставку в виде двуглавого орла, по своим пропорциям несколько напоминавшего орла Ивана III, но по отделке лап и туловища резко отличавшегося от своего далекого прообраза: взъерошенные перья дополняла экзотическая раскраска крыльев, по которым бежала волнистая черная полоса (Лукомский В.К., Типольт).

Именно в эти годы И.Я. Билибин раскрыл свое дарование как "специалиста древнерусского стиля", в произведениях которого было "много этнографического и археологического привкуса" (Бенуа. Т. 2. С. 516). На созданных им памятных почтовых марках, 1909, – 1912 годов были изображены не только портрет первого из династии Романовых царя Михаила, Кремль или дом бояр Морозовых, но и орел в его канонической форме. Впрочем, из-под пера Билибина выходили и нестандартные орлы: он по-разному стилизовал их в каталоге Исторической выставки предметов искусства (еще в 1904 году), на обложке программки оперы "Борис Годунов" (в, 1908 году), на афише пароходства "Кавказ и Меркурий", (в 1911 году) (Билибин. С. 80 – 81; Гольнец Г. В., Гольнец С.В. С. – 62 – 63).

Таким образом,, 12-летие ,)1905- 1917 годов знало и резко негативный подход к Символам самодержавия, и откровенно панегирический. Маятник, который раскачивала невидимая рука, .вовлекал в свое движение, и часть художественной интеллигенции страны. Однако ни первый этап российской революции, ни приближавшийся второй пока не погубили; имперского" орла. Конец ему принес только третий этап-Октябрьский.